

ИЗ ИСТОРИИ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-288-372

УДК 821.161.1

Слишком «Новое о Маяковском»¹

А.Ю. Галушкин, М.А. Фролов

Аннотация: Публикация посвящена одному из тяжелейших эпизодов в судьбе академической серии «Литературное наследство», связанному с выходом в свет 65-го тома — «Новое о Маяковском» (1958), включившего, в ряду других материалов к биографии поэта, письма В.В. Маяковского к Л.Ю. Брик 1917–1930 гг. В публикации, с возможной полнотой, на основании архивных документов, а также материалов советских газет и журналов, прослеживается процесс формирования атмосферы общественно-политического скандала, в котором были задействованы силы журнально-газетной критики, представители официозного советского литературоведения, высокопоставленные сотрудники ЦК КПСС и АН СССР, и, наконец, родная сестра поэта Л.В. Маяковская. Подготовка к печати настоящей публикации осуществлена в рамках исследовательского проекта «“Литературное наследство”: научная школа и академическая серия в истории отечественного литературоведения 1930–1980-х гг.», инициированного А.Ю. Галушкиным к юбилею издания и поддержанного РГНФ в 2015 г. По его итогам предполагается подготовить документальное издание, включающее значительное количество разнообразных по жанру материалов (устные воспоминания основателя издания И.С. Зильберштейна и его ближайшего коллеги, бессменного соредактора томов серии С.А. Макашина, переписка, стенограммы и др.) к истории не только «Литературного наследства», но и отечественной филологической науки в целом.

Ключевые слова: «Литературное наследство», «Новое о Маяковском», И.С. Зильберштейн, С.А. Макашин, В.В. Маяковский, Л.Ю. Брик, АН СССР.

Информация об авторах: Александр Юрьевич Галушкин (1960–2014), к.ф.н., в 2009–2014 гг. зав. Отделом «Литературное наследство» ИМЛИ РАН.

Максим Андреевич Фролов, к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ РАН, Москва, Россия.
E-mail: m.a.frolov@gmail.com

«Я сижу в кафе и реву. Надо мной смеются продавщицы. Страшно думать, что вся моя жизнь дальше будет такою. [...]

Если ты почувствуешь от этого письма что-нибудь, кроме боли и отвращения, ответь ради Христа, ответь сейчас же, я бегу домой, я буду ждать».

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00297 «“Литературное наследство”: научная школа и академическая серия в истории отечественного литературоведения 1930–1980-х гг.».

«Не тревожься, мой любименький солник, что я у тебя вымогаю записочки о твоей любви. Я понимаю, что ты их пишешь больше для того, чтобы мне не было зря больно. Я ничего, никаких твоих “обязательств” на этом не строю...».

Такие письма писал Маяковский в 1920-х Лиле Брик. Естественно, бронзовому монументу на Триумфальной площади Страна Советов не могла позволить эту лирическую слякоть. Поэтому публикация писем поэта в 1958-м (сама по себе — знак хрущевской «оттепели») чуть не погубила целый научно-издательский проект.

Прошло 50 лет. «Дело о письмах Маяковского» выглядит, как эпизод истории долгой борьбы за право советского человека быть человеком. Мы выиграли этот бой?

«Литературное наследство» и сегодня очень ценимо во всем мире. 85 лет в серии выходят фундаментальные тома, посвященные русской классической литературе XIX и XX вв., большую часть которых составляют публикации архивных материалов.

Авторы и сотрудники «ЛН» не избежали репрессий. Из томов изымались публикации, а борьба за некоторые шла десятилетиями. Худшая участь постигла 65-й по счету том под названием «Новое о Маяковском» (1958).

Советский режим культивировал классиков. Но им — как словию «государевых людей», пусть и очень своеобразному, — предписывалось не иметь слабостей и колебаний, религиозных убеждений, романов на стороне... Выхолощенная и максимально приближенная к потребностям дня, такая русская классика лучше подходила для инструментального использования.

После сталинских слов о «лучшем, талантливейшем поэте нашей советской эпохи» классиком советской литературы стал и Маяковский. Однако поэт мало подходил на эту роль, а его личная жизнь мало соответствовала нормам социалистической морали. А посему публикация «Литературным наследством» материалов его биографии и его частной переписки с Лилей Брик вызвала у «советской общественности» неоднозначную реакцию.

Вскоре после выхода тома, 9 января 1959 г. Л.В. Маяковская обратилась с письмом на имя М.А. Сулова: «Недавно вышел 65-й том “Литературного наследства”, посвященный В. Маяковскому. Редакция обращалась ко мне с просьбой предоставить переписку брата с семьей. Я отказалась на том основании, что переписка наша не имеет литературного и общественного значения и что я не хочу участвовать в одном сборнике с абсолютно чуждыми мне людьми. Об этом я сообщила в письме на имя В.В. Виноградова. Но сборник оказался еще более вредным, чем я предполагала. За небольшим исключением в нем сконцентрированы все материалы, снижающие образ Маяковского, внушающие недоверие к нему. Для этого авторы сборника использовали все: направленные стенограммы, буржу-

азную прессу, сомнительные воспоминания, даже реплики с мест. Все это служит им доказательством неполноценности, шаткости, противоречивости политических убеждений М[аяковско]го [...] Особенно возмутило меня и очень многих других людей опубликование писем брата к Л. Брик. Письма эти оказались сугубо личными — интимными, в которых почти нет литературных и общественных сведений, а предисловие фальшиво и нескромно. Л. Брик, замкнутая в своем кругу, не учла, какой резонанс может получиться у современных читателей, воспитанных на коммунистической морали, от публикации этих писем. Вместо признания и умиления перед ней, как она рассчитывала, — естественное возмущение [...] Брат мой, человек совершенно другой среды, другого воспитания, другой жизни, попал в чужую среду, которая, кроме боли и несчастья, ничего не дала ни ему, ни нашей семье. Загубили хорошего, талантливого человека, а теперь продолжают чернить его честное имя борца за коммунизм. И ЦК партии не раз ограждал поэта Маяковского от травли и нападков, и я надеюсь и сейчас на его защиту, тем более Издательство Академии собирается выпустить второй том»².

Вскоре после сестры поэта советский классик Ф. Панферов написал тому же адресату письмо, по своему жанру и стилю более напоминающее донос: «Я этими днями прочитал огромный (50 печ. листов) том, называемый “Новое о Маяковском”, изданный Академией наук СССР [...] перлом всего являются неизвестно зачем опубликованные письма Маяковского к Лиле Брик. Это весьма слащавые, сентиментальные, сугубо интимные штучки, под которыми Маяковский подписывался так: “Щенок” [...] Всю эту галиматью состряпали такие молодчики, как Катанян, Пицкель, Розенблюм, Февральский под редакцией Виноградова, Зильберштейна, Макашина и Храпченко... Видимо, правильно народ утверждает, что порой и на крупное здоровое тело лепятся паразиты. В данном случае паразиты налепились на образ Владимира Маяковского... и удивительно, что это делается под маркой Академии наук СССР».

Не отставали министр культуры СССР Н. Михайлов и известный журналист-международник Ю. Жуков. Они писали, что «том...

---

² Эти и некоторые другие официальные документы, проясняющие судьбу тома, его редакторов, авторов и составителей, а главное — «Литературного наследия», цитируются по тексту их первой публикации: *Пушкарева Л.* Документы свидетельствуют...: Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД): Вокруг творческого наследия Маяковского // Вопросы литературы. 1994. Вып. 2. С. 197–215; см. также более поздние издания: Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы / Сост. Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани, Л.А. Величанская, З.К. Водопьянова, Е.В. Кочубей. М.: РОССПЭН, 1998. С. 142; Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы / Сост. В.Ю. Афиани, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева и др. М.: РОССПЭН, 2005. С. 182, 194, 198–202.

используется за рубежом в целях антисоветской пропаганды», призывали издательство АН СССР к «более тщательному отбору документов, исключаяющему возможность опубликования таких материалов, которые могли бы быть использованы враждебной нам иностранной пропагандой», а ЦК КПСС — «рассмотреть вопрос об ответственности редакционной коллегии “Литературного наследства”... за неудовлетворительную подготовку к выпуску тома “Новое о Маяковском”». Записка министра культуры заканчивалась словами, содержащими требование административной расправы: «Издание такого рода публикаций не помогает правильному изучению процессов литературной жизни, наносит вред делу коммунистического воспитания трудящихся, особенно молодежи. Министерство культуры СССР считает, что безответственность, проявленная в издании книги о Маяковском, не может оставаться безнаказанной».

Наконец, 31 марта 1959 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей приняла постановление (ввиду важности документа и его небольшого объема процитируем его целиком):

«1. Отметить, что Отделение языка и литературы Академии наук СССР допустило грубую ошибку, выпустив 20-тысячным тиражом 65 том “Литературного наследства” — “Новое о Маяковском”. В книге содержатся материалы, искажающие облик выдающегося советского поэта; опубликована переписка, носящая сугубо личный, интимный характер, не представляющая научного интереса. Ряд других материалов, тенденциозно подобранных в книге, дают неверное представление о поэте, якобы находившемся в разладе с советской действительностью, что перекликается с клеветническими измышлениями зарубежных ревизионистов о Маяковском. Реакционная зарубежная пресса использует книгу “Новое о Маяковском” в целях антисоветской пропаганды. Содержание книги вызвало возмущение советской общественности.

Руководство Отделением литературы и языка Академии наук СССР (тг. Виноградов и Храпченко) передоверило подготовку тома «Литературного наследства», посвященного В. Маяковскому, лицам, политически незрелым, некомпетентным в вопросах советской литературы.

2. Указать заместителю академика-секретаря Отделения языка и литературы Академии наук СССР т. Храпченко М.Б. на безответственное отношение, проявленное с его стороны к выпуску книги “Новое о Маяковском”.

3. Обязать Президиум Академии наук СССР (т. Несмеянова) принять необходимые меры по улучшению работы в области литературоведения, в особенности советского периода; укрепить состав ре-

дакции «Литературного наследства» квалифицированными работниками³.

4. Поручить редакции журнала “Коммунист” (г. Константиново) опубликовать статью о состоянии работы по литературоведению, обратив в ней особое внимание на критику неверных тенденций в изучении творчества В. Маяковского».

Согласно записке Отделов ЦК КПСС от 9 марта 1959 г., авторами которой были Л. Ильичев и Д. Поликарпов, партийная администрация сочла выход тома «грубой политической ошибкой» и рекомендовала «укрепить состав редакции “Литературного наследства”, отстранив от работы Зильберштейна, как недобросовестного литературоведа». Главному редактору журнала «Коммунист» Ф.В. Константинову было поставлено на вид отсутствие критической статьи о современном состоянии литературоведения, появление которой было предписано процитированным выше постановлением.

Однако за Маяковского и «Литературное наследство» вступился французский писатель-коммунист Луи Арагон, незадолго до этих событий удостоенный Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (заметим, что Арагон был женат на родной сестре Л. Брик, писательнице и переводчице Э. Триоле).

Письмо Ю. Жукова в ЦК КПСС от 5 мая 1959 г. проясняет этот эпизод во всех подробностях: «4 мая в беседе со мной Луи Арагон в нервной и раздражительной форме поставил вопрос о публикуемых в советской печати критических статьях по поводу сборника “Литературное наследство”, посвященных памяти Маяковского... Придя в возбужденное состояние, Арагон заговорил о том, что “есть границы всему” и что он “не сможет остаться нейтральным”, если буржуазная пресса подхватит историю со сборником “Литературное наследство” и сделает из нее “второе дело Пастернака”. “Я, — сказал он, — должен буду в этом случае занять определенную позицию, и я заранее говорю, что я должен буду выступить в защиту публикации писем Маяковского к Л. Брик”... Он сказал, что уже сейчас американские и английские корреспонденты буквально атакуют по телефону Л. Брик, причем она “всячески скрывается от них”... Далее Арагон коснулся вопроса об отстранении Зильберштейна от руководства сборником “Литературное наследство”. Он заявил, что Зильберштейн руководит этими публикациями уже 20 лет и что за это время он с очень небольшой группой людей и с очень маленькими материальными средствами сумел выпустить 67 томов “Литературного наследства”»⁴.

³ Далее в документе следовал пункт, вычеркнутый из окончательного текста постановления, вступившего в силу: «Отстранить от работы редактора И.С. Зильберштейна».

⁴ Ср. в докладной записке консультанта Отдела культуры ЦК КПСС по литературе Франции О.П. Граевской к зам. председателя иностранной комис-

Не такой уж однозначной была и реакция литературной общественности, о чем свидетельствует в своем дневнике К. Чуковский: «Был у меня в лесу Федин... Говорит, что с “Литнаследством”... дело обстоит очень плохо. Так как начальству нужна лакировка всего — в том числе и писательских биографий, — оно с ненавистью встретило книгу, где даны интимные (правда, очень плохие) письма Маяковского к Лиле Брик — и вообще Маяковский показан не на пьедестале. Поэтому вынесено постановление о вредности этой книги и занесен удар над Зильберштейном. Человек создал великолепную серию монументальных книг — образцовых книг по литературоведению, отдал этой работе 30 лет, — и все это забыто, на все это наплевать, его оскорбляют, бьют, топчут за один ошибочный шаг...».

«Дважды был у Федина по делу “Литнаследства”. Хлопотал, чтобы он, председательствуя в Комиссии, созданной Академией

сии СП СССР, Е.С. Романовой от 7 мая 1959 г. с пересказом беседы с Луи Арагоном и Эльзой Триоле в гостинице «Москва»: «30 апреля в 9 час. утра мне позвонила домой Эльза Триоле и сказала, что Арагон хочет меня видеть и поговорить о делах. Условились на 12 час. дня. Беседа происходила у них в номере в гостинице “Москва”. Основная тема беседы была — история тома “Литературного наследства” — “Новое о Маяковском”. Арагон и Триоле всячески доказывали необоснованность выступлений советской критики против публикации ряда материалов этого тома, в частности переписки В. Маяковского с Л. Брик, все время подчеркивая, что Л. Брик доведена до такого состояния, когда не исключена возможность самоубийства. Арагон несколько раз повторил, что не стал бы касаться этого вопроса, если бы ему не стало известно о предстоящем выступлении по этому поводу журнала “Коммунист”. Он сказал: “Я молчал до сих пор, полагая, что поднятая вокруг этого дела шумиха идет на убыль. Но вчера мне сказали о том, что в ‘Коммунисте’ будет статья. Я решительно протестую против такой травли Л. Брик, я больше молчать не буду, я выступлю в своей печати со своими комментариями и пусть тогда на меня не обижаются»» (РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК). Оп. 36 (Отдел культуры). Ед. хр. 92. Л. 76). О том, что далеко не все представители общественных, литературных и партийных кругов были склонны полностью игнорировать реакцию западной прессы, свидетельствует сопроводительная записка Б.Н. Полевого от 27 апреля 1959 г. — он направил в ЦК КПСС копии положительных рецензий о томе «Новое о Маяковском», появившихся в «Lettres Françaises» (16 апреля; автор К. Фриу) и «L’Humanité» (14 апреля; автор Ф. Козн): «Направляю Вам два отклика из французской коммунистической печати о томе “Литературного наследства” о Маяковском. Ввиду появляющихся в нашей печати снова и снова статей, осуждающих опубликование этих материалов о Маяковском, полагаю, что в дальнейшем следовало бы учитывать в тональности этих статей мнение прогрессивной общественности за рубежом. Полевой. 27 апреля 1959» (РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК). Оп. 36 (Отдел культуры). Ед. хр. 92. Л. 35). Прочитанные документы выявлены и предоставлены в распоряжение публикаторов М.А. Котовой, за что мы приносим ей благодарность.

Наук специально для рассмотрения вопроса о «Лит. наследстве» («Новое о Маяковском»), сказал бы похвальное слово о Зильберштейне и Макашине. Второй визит нанес ему вместе с Макашиным».

«Вчера видел в городе Федина. Он подошел к моей машине и сказал: Зильберштейна, хоть и со скрипом, удалось оставить. Бой длился три часа. Коллегию «Литнаследства» раздули до 9 человек. Большую помощь Илье оказал Виноградов, который вел себя отлично»⁵.

Казнь «Литнаследства» не состоялась. И хотя И. Зильберштейн остался редактором издания, выход второго тома о Маяковском был запрещен. Академия Наук ввела в редколлегию новых членов. «Литнаследство» перешло в ведение Института мировой литературы АН СССР — с целью «тщательного контроля». «Беспартийный академик» (как значилось в одном из писем в ЦК) В.В. Виноградов, «согласно личной просьбе», в 1960 г. был освобожден от обязанностей главного редактора серии — его преемником стал И.И. Анисимов, в те годы — директор ИМЛИ.

«Литературное наследство» продолжает издаваться. Но среди томов до сих пор нет 66-го — продолжения книги «Новое о Маяковском».

Три попытки реанимировать 66-й том «Литнаследства» закончились безрезультатно.

В 1985 г. Андрей Синявский и шведский славист Бенгт Янгфельдт возобновили эту работу. Книгу предполагалось выпустить в Париже, в издательстве М.В. Розановой «Синтаксис», материал был подготовлен к печати, но помешали финансовые трудности.

В 1988 г. И. Зильберштейн получил согласие ЦК КПСС на переиздание вышедшего тома и издание нового. Были заново собраны воспоминания и другие материалы (в частности, переписка Маяковского с Татьяной Яковлевой). Но научная общественность проигнорировала проект... 83-летнего основателя «Литнаследства» это повергло в шок. С его кончиной в мае 1988 г. работа над томом прекратилась.

Накануне 100-летия Маяковского в 1993 г. ученые ИМЛИ РАН В.В. Терехина и Р.В. Дуганов опять попытались собрать том. Однако и то время мало соответствовало таким проектам. Том 66 не вышел в свет до сих пор...

Текст стенограммы публикуется нами полностью по машинописи: Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 1–118.

---

⁵ Записи от 27 апреля, 5 и 6 мая 1959 г. // Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13: Дневник (1936–1969) / Комментар. Е. Чуковской. М: ТЕРРА–Книжный клуб, 2007. С. 285, 286, 287.

Стенограмма заседания Бюро Отделения литературы и языка АН СССР

Подготовка текста и комментарии
А.Ю. Галушкина и М.А. Фролова

24 февраля 1959 г.

Обсуждение т. 65 «Литературного наследства» «Новое о Маяковском»

1. Чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударов
2. Чл.-корр. АН СССР Д.Д. Благой
3. А.И. Метченко
4. В.Д. Дувакин
5. Г.С. Черемин
6. В.И. Перцов
7. В.Р. Щербина
8. С.И. Козлов
9. Тов. Ковалев
10. С.А. Макашин
11. И.С. Зильберштейн
12. М.Б. Храпченко
13. А.И. Метченко
14. Акад. В.В. Виноградов

Председательствует академик-секретарь Отделения В.В. Виноградов⁶

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Заседание Бюро Отделения литературы и языка объявляю открытым. Приступим к первому вопросу повестки дня — к обсуждению тома «Литературного наследства» «Новое о Маяковском». Докладчиком по этому вопросу является С.Г. Бархударов⁷.

Чл.-корр. АН СССР С.Г. БАРХУДАРОВ

Товарищи, я думаю, что все присутствующие согласятся со мною, если я скажу, что «Литературное наследство», которое существует уже 27 лет и за это время успело выпустить в свет 65 мону-

---

⁶ Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969) — литературовед, лингвист, академик-секретарь Отделения литературы и языка (далее — ОЛЯ) АН СССР в 1950–1963 гг. и главный редактор «Литературного наследства» (далее — ЛН) в 1956–1960 гг.

⁷ Бархударов Степан Григорьевич (1894–1983) — лингвист, член-корреспондент АН СССР с 1946 г., заместитель академика-секретаря ОЛЯ АН СССР с 1953 г.

ментальных томов, не нуждается в особой рекламе и в особой похвале. Каждый советский литературовед, историк русской общественной мысли, вообще историк русский культуры ценит том этого издания, так как каждый том обогащает новыми материалами, обстоятельными исследованиями в области русского литературоведения.

«Литературное наследство» является одним из лучших наших изданий, если не сказать самым лучшим. Но до сих пор «Литературное наследство», как известно, занималось почти исключительно XIX веком, с 65 тома оно приступает к материалам, взятым из советской эпохи. «Этим томом, — как говорится от редакции, — начинается серия томов, посвященных публикации новых материалов по советской литературе». Самый этот факт, т.е. включение в сферу интересов редакции «Литературного наследства» актуальных вопросов советской литературы, не может нас не обрадовать.

Но включение советской тематики в план изданий «Литературного наследства» это не просто хронологическое расширение границ деятельности редакции, а является как бы новым этапом в ее работе. По-видимому, принципы отбора материалов, методы комментирования, характер и направленность исследовательских статей, если хотите, даже подбор иллюстраций, разработанные и принятые для предшествующих томов, нельзя механически переносить на тома, посвященные советской литературе. Во всяком случае, тут есть над чем подумать и предварительно разрешить.

Вот почему Бюро Отделения литературы и языка ставит том, посвященный Маяковскому, на обсуждение. Бюро надеется, что это обсуждение выявит как сильные стороны этого издания, так и слабые, и этим поможет редакции в работе над дальнейшими томами по советской литературе. Бюро Отделения придает этому собранию принципиальное значение, повторяю, потому, что начинается серия томов, посвященных советской литературе. Напомню вам, что на данный том в нашей печати появились две рецензии: одна в июле м[еся]це в «Литературной газете», рецензия Лазарева, спустя шесть месяцев другая рецензия в газете «Литература и жизнь», рецензия Воронцова и Колоскова. Первая рецензия очень хвалебная, вторая довольно суровая, но даже в этой второй рецензии указано на то положительное, что имеется в этом томе⁸.

---

⁸ Лазарев Л. О времени и о себе: К выходу в свет тома «Новое о Маяковском» // Литературная газета. 1958. 19 июля. № 86. С. 1–2; Воронцов В., Колосков А. Новое и старое о Маяковском // Литература и жизнь. 1959. 7 янв. № 3. С. 2. Автор первой рецензии, называя выход тома «знаменательным событием нашей культурной жизни», в частности, писал: «Публикация новых материалов, которые вобрали в себя сложные особенности ушедшей в прошлое эпохи, в которых звучит живой голос Маяковского, говорящего “о

От редакции говорится: «Новый материал существенно дополняет представление о жизни и о творчестве пути Маяковского, о его общественной деятельности и литературном окружении».

Здесь присутствуют товарищи, работающие по советской литературе, по творчеству Маяковского, — желательно выслушать их мнение по этому вопросу, но у меня создалось впечатление, что действительно этот том обогащает исследователей новыми интересными материалами.

Что особенно ценно в этом томе? Это прежде всего неизданные выступления Маяковского — это стенографические записи вы-

---

времени и о себе», — это лучший повод для того, чтобы вновь выверить направление нашей исследовательской работы, лишний раз критически оценить установившиеся точки зрения на творчество Маяковского [...] Не стоит много говорить о том, что книга удалась. Лучше напомнить редакции о том, что теперь с особенным нетерпением ожидаешь выхода уже подготовленного к печати второго тома, в котором должны быть опубликованы новые воспоминания о Маяковском». Особенно примечательна была в его устах фраза о том, что «новые материалы опрокидывают только концепции фальсификаторов». Рецензент имел в виду зарубежных исследователей, — по общему мнению, царившему в те годы, — тенденциозно оценивающих и искажающих официальную исследовательскую концепцию творчества и судьбы Маяковского. Однако спустя полгода, когда в печати появилась озлобленная брань А. Колоскова и В. Воронцова, фраза о фальсификаторах, по-видимому, приобрела в устах вдумчивого читателя иной смысл. В рецензии, напечатанной в «Литературе и жизни», положительно, но весьма сдержано были отмечены статьи Е.И. Наумова, В.Ф. Земскова, С.С. Кэмрада. В остальном же рецензия представляла собой нагромождение грубых и несправедливых, а зачастую и весьма опасных обвинений: «Редакция сборника, помещая стенограммы этих выступлений, подчеркнуто ставит Маяковскому в вину каждое неосторожное слово, старательно трактует и обосновывает те места, где Маяковский, по мнению редакции “впадал в ошибки”. О публикации Е.А. Динерштейна: «От нее веет духом отрицания того, что Маяковский-поэт был во многом подготовлен к революции предшествующей деятельностью Маяковского-революционера-подпольщика [...] Динерштейн попросту возвращается к клевете, которую распространяли о Маяковском враги поэта из лагеря врагов социалистической революции, намеренно искажая его облик». В январе 1959 г. в защиту редакции «Литературного Наследства» от нападков Воронцова и Колоскова выступили Н.И. Конрад и Н.Н. Асеев, написавшие письмо в редакцию газеты «Литература и жизнь», в котором, в частности, говорилось: «...Как всякий научный труд, книга о Маяковском, подготовленная “Литературным наследством”, нуждается в серьезном критическом обсуждении, может и должна быть предметом научной дискуссии. Является ли, однако, рецензия В. Воронцова и А. Колоскова серьезным научным выступлением? [...] Неуважительный, развязный тон рецензии в адрес “Литературного наследства” и Издательства Академии наук СССР не может повредить их научно-общественной репутации. Но тон этот нетерпим в нашей печати и критики, к нему нельзя относиться безразлично. Против него надо протестовать, что мы и делаем настоящим письмом» (РГАЛИ. Ф 2390 (И.С. Зильберштейн). Не разобран).

ступлений Маяковского по вопросам советской литературы и искусства, театра и кино в 20-е и 30-е годы. Правда, стенограммы эти не правлены поэтом и возможно, что не все там так, как было бы, если бы их правил Маяковский, но исследователь может сам разобраться, критически отнестись к этому за счет других материалов объективных⁹.

Это первый отдел этого тома. Затем в томе даются новые материалы для биографии поэта. Среди них выделяются две статьи: это статья [В.Ф. Земскова] «Участие Маяковского в революционном движении»; «[Неизвестные интервью и выступления] Маяковского на Украине в 1924 г.»¹⁰.

Затем три исследовательских статьи. Среди этих исследовательских статей важной статьей является статья Наумова — «Ленин и Маяковский».

Там сказано: «новый материал». Но там, по-видимому, не все ново. Многое из того, что там есть, было известно, хотя это важные материалы. Возможно, что специалист найдет там некоторые спорные моменты — и, может быть, это будет отмечено в сегодняшней дискуссии, — но все это вполне закономерно. Безусловно, он выдвигает важные вопросы. С моей точки зрения, статья талантливо, блестяще написана.

Статья Паперного [«Маяковский в работе над поэмой “Про это”»] представляет большой интерес даже для нас — языковедов. Во всяком случае, эта статья читается с большим интересом.

Интересна также статья Катаняна о некоторых источниках поэмы «Хорошо».

Может быть, менее глубоко и менее тщательно сделанная статья Арутчевой «Записные книжки Маяковского», но и эта статья представляет большой интерес. Правда, записные книжки — это такой материал, к которому надо неоднократно возвращаться, чтобы дать полное описание, но даже в таком виде эта статья занимает соответствующее место¹¹.

---

⁹ Из выступлений Маяковского 1918–1925 гг. / Предисл. и публ. А.В. Февральского. Главы: I. Маяковский в коллегии ИЗО Наркомпроса. — II. Забытые выступления. Публикация: 6 стенографических отчетов заседаний коллегии ИЗО Наркомпроса в Петрограде с выступлениями В.В. Маяковского 1918–1919 гг. — Выступление В.В. Маяковского на диспуте, устроенном Культотделом МГСПС в Колонном зале Дома Союзов 13 марта 1925 г.

¹⁰ *Земсков В.Ф.* Участие Маяковского в революционном движении. (1906–1910); *Кэмрад С.С.* Неизвестные интервью и выступления Маяковского на Украине в начале 1924 года.

¹¹ Имеются в виду следующие статьи: *Наумов Е.И.* Ленин о Маяковском. (Новые материалы); *Паперный З.С.* Маяковский в работе над поэмой «Про это». (Три рукописи поэмы); *Катанян В.А.* О некоторых источниках поэмы «Хорошо!»; *Арутчева В.А.* Записные книжки Маяковского.

Остальные статьи, может быть, не так ценны, но представляют определенный интерес, и редакция, по-моему, имела основание включать эти статьи в это издание.

Но совершенно иное чувство вызывают письма Маяковского к Л.Ю. Брик¹². Их, как известно, 125.

От редакции читаем, что это «замечательный эпистолярный цикл, который захватывает тринадцать лет и представляет не только биографический, но и литературный интерес.

Маяковский лирик, человек большого чувства, раскрывается в этих письмах с новых сторон. Кроме того, письма содержат множество сведений, фактических данных, необходимых исследователям Маяковского».

С этой оценкой редакции ценности этих писем я не могу согласиться. Вернее, то, что тут говорится, относится к некоторым письмам. Если бы из 120 писем редакция отобрала десяток, другой, эта характеристика могла бы остаться, но когда вы берете 125 этих писем, мне кажется, что эта характеристика не совсем точна.

При чтении этих писем прежде всего возникает такой вопрос: кто отбирал письма? Ясно, что нет никакой гарантии, что есть еще какие-то письма к Брик, что все письма вошли сюда. Комментарии написаны тоже Брик, а от редакции никакой оценки, никаких комментариев, никакого научного анализа, в сущности говоря, тут руки редакции я не вижу. Может быть, это не так, тогда члены редакции скажут, но у читателя создается впечатление, что получили готовый материал и целиком его включили; может быть, кое от чего отказались в лучшем случае, но все остальное в таком виде и дали.

Совершенно естественно возникает вопрос, объективно ли подобраны письма.

Как правильно сказано в рецензии Воронцова и Колоскова, обращает на себя внимание нескромный характер предисловия к письмам. Приведу две цитаты. «Когда я сказала ему (т.е. мужу) о том, что Маяковский и я полюбили друг друга, все мы решили никогда не расставаться». Даже самый стиль, манера изложения очень характерны. «Так и случилось, что мы прожили нашу жизнь и духовно и большей частью территориально вместе». Я думаю, что в высшей степени нескромно говорить о том, что духовно муж и жена Брик прожили всю жизнь вместе с Маяковским. Этот великий поэт советской современности, глашатай революции по своему духовному миру и по стремлениям, понятно, не стоит на уровне Брик, а это там сказано, и советскому читателю это не только не понятно, а, я бы сказал, даже обидно. Я думаю, гораздо лучше, осторожнее поступила сестра поэта, когда отказалась печатать письма, заявив,

---

¹² Письма Маяковского к Л.Ю. Брик (1917–1930) / Предисл. Л.Ю. Брик; примеч. ред. «Литературного наследства».

что они не имеют литературного значения и будут изданы отдельно. Если бы так же скромно поступила Брик, отказавшись печатать все письма, это было бы правильно. Она могла бы напечатать где-то отдельным изданием, но в томе чисто научном, издаваемом Академией наук, не нужно было печатать всю эту интимную лирику, письма слишком частного характера, значительная часть которых никакого отношения к эволюции творчества Маяковского не имеет, при этом, кстати сказать, обычно даже неизвестно, в какую эпоху это происходит, письма, в которых Маяковский никогда не делился своими замыслами, переживаниями творческими исканиями. В общем видно, что это не тот друг поэта, с которым он бы действительно духовно жил вместе.

Вот появление этих писем в издании, понятно, надо считать ошибкой редакции.

Я думаю, что [рецензенты] имел[и] основание в конце своей статьи написать: «Академия наук недостаточно дорожит памятью великого поэта и неразборчиво тискает в печать все то, что попадает ей под руку»¹³.

Эти письма действительно создают впечатление такое, что все, что удалось достать, все включается.

Правда, редакция может в оправдание сослаться на то, что литературоведы вообще это допускают. Например, печатаются все письма Чехова интимного частного характера, — почему же письма Маяковского не печатать? Но я думаю, что это все-таки не одно и то же.

Я прекрасно понимаю, что нам дорога каждая строчка Пушкина, каждое воспоминание о нем, хотя и неверное. Нам каждая строчка дорога, потому что Пушкин — это начало XIX в. Но когда речь идет о нашем веке, когда тут живы еще люди, на памяти которых это все происходило, то при издании такого характера мы не можем механически переносить: то, что можно делать по Пушкину, то нельзя делать в отношении Маяковского. Надо оставить и для будущего какой-нибудь материал, — пусть они издадут.

---

¹³ Оценка публикации писем Маяковского к Л. Брик в рецензии Воронцова и Колоскова была такова: «Едва ли Маяковский согласился бы отнести их к его “литературному наследию”, так как письма в подавляющем большинстве носят личный интимный характер. Кроме того, публикация этих писем дает не совсем правильное представление о личных взаимоотношениях Маяковского, так как известно, что существуют письма его к родным и к другим лицам, занимавшим очень важное место в жизни Маяковского и в его личной переписке. Обращает на себя внимание нескромный характер предисловия к письмам. Том литературного наследия, посвященный Маяковскому, закрывается с чувством обиды и досады. Создается впечатление, что издательство Академии наук недостаточно дорожит памятью великого поэта и неразборчиво тискает в печать все, что попадает под руку».

Пускай лет через пять издадут. Нужно как-нибудь разумно ограничить себя этим.

Советская литература — это очень актуальная литература. Она задевает интересы живых людей. Мы живем этой литературой. Там, в XIX в., все можно дать, что находят литературоведы, а здесь мы должны подходить осторожно.

В этом я усматриваю основную ошибку редакции, и я не хотел бы, чтобы в последующих томах, которые будут издаваться, тискать все, что найдется, собирать, — пусть кое-что останется для будущих литературоведов.

Правильно ли я охарактеризовал, — это покажет обсуждение. Я прекрасно понимаю, что среди специалистов могут быть разногласия по отдельным статьям. Но что же? На то и научная работа.

Я считаю, что может быть, некоторые статьи недостаточно глубоки, может быть, есть некоторое недомыслие в отдельных статьях, но это все-таки не порочит всего этого тома. И очень жаль, что такой хороший том редакция испортила этими письмами.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Может быть, будут какие-нибудь вопросы Степану Григорьевичу или членам редакционной коллегии?

В.Д. ДУВАКИН¹⁴

У меня есть вопрос членам редакционной коллегии. Меня интересует вот что: есть ли у редакции сведения о том, чего в этих письмах не хватает? У нас есть предположение, что здесь, возможно, были некоторые купюры. Сличали ли эти письма с подлинниками? Может быть, эти письма представляют девять десятых?..

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Но то, что эти письма опубликованы, не противоречит тому, что есть и еще письма не опубликованные.

А.И. МЕТЧЕНКО¹⁵

Почему стенограммы выступлений Маяковского, помещенные в этом томе «Литературного наследства», не попали в соответствующие тома последнего издания сочинений Маяковского?¹⁶

---

¹⁴ Дувакин Виктор Дмитриевич (1909–1982) — историк литературы, звукоархивист, специалист по творчеству Маяковского.

¹⁵ Метченко Алексей Иванович (1907–1985) — литературовед, с 1952 г. — заведующий кафедрой истории советской литературы филологического факультета МГУ, автор книг о Горьком, Маяковском, Шолохове.

¹⁶ Имеется в виду: Полн. собр. соч. В.В. Маяковского. В 13 т. М.: Художественная литература, 1955–1961. Значительную часть двенадцатого тома

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Мы позже нашли.

А.И. МЕТЧЕНКО

Они цитировались в книге Перцова и в моей книге много лет назад¹⁷.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Этот вопрос обращен не к редакции «Литературного наследства», а к редколлегии собрания сочинений Маяковского. Виктор Иосифович на него ответит.

Н.И. ЧУКАНОВ

Каково было мнение членов редакционной коллегии, обсуждался ли на редколлегии этот том?

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Первый вопрос обращен к Илье Самойловичу, второй — к редакции собрания сочинений, ответит Виктор Иосифович, на третий вопрос отвечу я.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Когда мы принялись три года тому назад за создание этого тома, мы решили собрать все то, что до сих пор по разным причинам было вне исследовательского обихода. В частности, мы задались целью собрать все письма Маяковского. Исследователи Маяковского знают, что никогда такая работа не проводилась и ни в одном из собраний сочинений до сегодняшнего дня письма Маяковского не фигурировали. Поэтому было положительное отношение редакции к тому, чтобы собрать все эпистолярное наследие Маяковского. Те, кто знают наши прежние тома, имеют представление о том, какое место занимает эпистолярное наследие писателей в предыдущих 64 томах нашего издания¹⁸.

занимают тексты выступлений поэта 1917–1930 гг. в стенографической и протокольной записи.

¹⁷ Возможно, что речь идет о книге: *Метченко А.И.* Творчество Маяковского. 1917–1924. М.: Советский писатель, 1954. Что касается Перцова, то к моменту заседания из печати вышел первый том его трехтомной монографии о Маяковском: *Перцов В.* Маяковский. Жизнь и творчество. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1957.

¹⁸ К 1959 г. в томах «ЛН» были осуществлены обширные публикации эпистолярного наследия В.Г. Белинского, В.Я. Брюсова, А.И. Герцена, И.А. Гончарова, А.С. Грибоедова, В. Гюго, Э. Золя, В.К. Кюхельбекера, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Н.П. Огарева, А.С. Пушкина, В.Ф. Раевского, К.Ф. Рылеева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого.

Первым делом мы обратились (Виктор Владимирович написал письмо) к Л.В. Маяковской. Я дважды был у нее. Мы получили через полгода ответное письмо (оно, в частности, цитируется в нашем предисловии). Мы обратились к ней с просьбой разрешить нам опубликовать все письма Маяковского к родным, хранящиеся у нее, единственной оставшейся в живых из близких родственников Маяковского. Она думала полгода и, к сожалению, нам отказала. Она ответила, что собирается издавать отдельной книгой свои воспоминания с этими письмами и что письма эти не представляют литературного интереса¹⁹. Правда, самая интересная часть этих писем хорошо всем известна, она многократно цитировалась и Виктором Иосифовичем и в работах других исследователей, которые разрабатывали дореволюционный период. Эти письма времени пребывания Маяковского в тюрьме очень содержательны и интересны. Мы сделали все, чтобы добиться получения этих писем, но, повторяю, в октябре 1956 г. пришло письмо с отказом.

Мы обратились к Л.Ю. Брик, место которой в биографии Маяковского широко известно. Она представила нам 130 писем. По ее словам, это абсолютно все, что у нее есть. Пять записок совершенно интимного порядка мы еще в процессе предварительной работы в редакции просили не давать. Это записки вместе с присылкой цветов с каким-то стишками очень несерьезного характера, записки сугубо интимного порядка. Мы получили, таким образом, 125 писем. Тут был задан вопрос относительно якобы письма о поэме «Про это». Это, товарищи, не письмо.

Члены нашей редакции читали эти воспоминания Л.Ю. Брик, которые потом были взяты обратно. Виктор Владимирович читал, Михаил Борисович и.....²⁰ Там документы такие. Это после смерти Маяковского в его письменном столе письма Л.Ю. Брик были завернуты в тетрадку. Это был дневник, где были заметки «Про это» — в те месяцы, когда он сидел у себя на Лубянке и писал эту

---

¹⁹ В письме от 10 ноября 1956 г., адресованном В.В. Виноградову, Л.В. Маяковская писала: «Я глубоко убеждена в том, что эти письма не имеют литературного значения; они дороги и ценны для нас — родных, как выражение чувства близкого и дорогого нам члена семьи, они скорее могут иметь воспитательное значение для детей. Я давно договорилась об издании этих писем в Детгизе. Кроме того, я не хочу и не могу участвовать в одном литературном сборнике с целым рядом людей, абсолютно мне чуждых» (*Архив ЛН*; материалы этого архива хранятся в ф. 575 (в настоящее время проходит первичную обработку и описание) в Отделе рукописей, а также в Отделе «Литературное Наследство» ИМЛИ РАН). Воспоминания Л.В. Маяковской печатались в 1957 и 1965 гг.: *Пережитое. Из воспоминаний о Маяковском*. Тбилиси, 1957; *О В. Маяковском. Из воспоминаний сестры*. М., 1965.

²⁰ Установить, о ком именно идет речь, в данном случае затруднительно. Скорее всего, Зильберштейном был упомянут В.О. Перцов (см. примеч. 81).

поэму и цитаты взяты из этих писем. Это не письма — это дневник²¹. Он никогда не фигурировал в этой публикации у нас, он фигурировал только в ее воспоминаниях, и там ею комбинируется; там и телеграммы, — она прямо об этом пишет, — приводился не полностью, этот документ. Из этого мы сделали вывод, что письма, кроме записок, которые полностью не помещаются, вместе с 125-ю попали в Собрание сочинений, которое завтра на Ученом совете Института мировой литературы должно стоять. Так что у редакции этого монументального издания тоже нет никаких оснований считать, что письма не полностью даны, очевидно, если она дала эти 130 писем. Виктор Владимирович, редактор этого издания, тоже может выступить по этому поводу.

Так что повторяю по поводу того, что Степан Григорьевич высказал предположение, что был сделан отбор писем и т. д., — что, кроме этих пяти мелких записок сугубо интимного характера, никакого отбора больше сделано не было.

Я буду рад, если....., который редактировал этот 13-й том, который должен обсуждаться на Ученом совете, свое мнение по этому поводу выскажет²².

Вот что я могу ответить на первый вопрос т. Дувакина.

В.И. ПЕРЦОВ

Спрашивают, собираемся ли мы в Собрании сочинений печатать стенограммы выступлений Маяковского? Если в вышедших томах это еще не появлялось, то в 13-м томе это будет воспол-

---

²¹ Заметим, что 2 июля 1957 г., посылая В.В. Тимофеевой (о ее отзыве см. примеч. 82) на рецензию план издания будущего тома, И.С. Зильберштейн, в частности, сообщал: «...члены нашей редколлегии, В.В. Виноградов и М.Б. Храпченко находят ненужным включать в том раздел мемуаров в нашем томе, так как они являются важным источником для изучения творческой биографии поэта. Так, например, в воспоминаниях Лили Юрьевны Брик имеется большая глава о “Про это”, где она впервые приводит пятнадцать писем Маяковского времени создания поэмы и его большой лирический дневник тех недель жизни. В этот же мемуарный раздел входят воспоминания Асеева объемом свыше трех листов и Третьякова, где большое место уделено их совместной творческой работе с Маяковским» (*Архив ЛН*). Спустя две недели, 16 июля 1957 г. состоялось заседание Бюро Отделения литературы и языка АН СССР, на котором было решено в целом «одобрить 65 том... и утвердить его к печати, а вопрос о разделе “Воспоминания” подвергнуть дополнительному обсуждению на очередном заседании Редколлегии» (*Архив ЛН*). См.: *Маяковский В.В., Брик Л.Ю. Любовь — это сердце всего. Переписка, 1915–1930 / Сост., подгот. текста, введ. и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Книга, 1991; современное переиздание в кн.: Брик Л. Пристрастные рассказы. Нижний Новгород: Деком, 2003; 2011.*

²² Редакторами тринадцатого тома Собрания сочинений Маяковского, вышедшего в 1961 г., были В.Ф. Земсков и А.В. Февральский.

нено²³. Таким образом, данное Собрание сочинений даст наиболее полный свод материалов, которые были опубликованы, которые стали известными в ходе составления этого тома Собрания сочинений, и мы приняли меры к тому, чтобы его пополнить. Мы стараемся представить со всей полнотой литературное наследство Маяковского.

Таким образом, читатели Собрания сочинений получают, может быть, не всегда все на своем месте, — но получают все, с достаточными пояснениями, где находится тот или другой материал.

Мы даем и письма к Брик, но надеемся дать не только письма Маяковского к Брик, но и те письма, которые не так давно стали нам известными — и редакция «Литературного наследства» об этом знает лучше меня, — письма, которые были написаны Маяковским к Татьяне Яковлевой²⁴.

Так что это наследие Маяковского, которое поможет нам в более глубоком освещении некоторых произведений Маяковского последнего периода его жизни, также имеет право на существование в полном Собрании сочинений.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Третий вопрос обращен ко мне, но я бы хотел, чтобы Михаил Борисович²⁵ меня поправил, если будет в этом необходимость.

---

²³ 17 марта 1957 г. Перцовым был написан отзыв на публикацию писем Маяковского к Л.Ю. Брик, который содержит интересные сведения об обстоятельствах, предшествующих их появлению в томе: «Эти письма предполагалось опубликовать в томе 12-м Полного собрания сочинений В.В. Маяковского, который готовился вновь назначенной Правительством Редакцией сочинений Маяковского к печати. Но в связи с тем, что как раз в это время произошел переход литературного наследия и редактирования сочинений поэта от Л.Ю. Брик к Правительственной редакции, нам посоветовали не публиковать этих писем. Это было в 1938–39-м году. В настоящее время то неудобство, которое мешало нам опубликовать эти письма, отпало. Прошло много времени. Такое издание, как “Литературное наследство” представляется мне крайне подходящим для того, чтобы дать будущему исследователю жизни и творчества поэта революции исключительного значения документальный материал. Мне представляется, что значение его не только литературно-стилистическое, но и биографическое: даже зная поэмы и стихи Маяковского о любви, нельзя составить себе представления о масштабах реальных этого чувства в жизни Маяковского» (*Архив ЛН*).

²⁴ В тринадцатом томе было опубликовано 30 писем Маяковского Л.Ю. Брик, включая три письма написанных ей и О.М. Брику. Писем к Т. Яковлевой в томе опубликовано не было. Об их публикации см. примеч. 35.

²⁵ Храпченко Михаил Борисович (1904–1986) — государственный и общественный деятель, заместитель главного редактора ЛН в 1934–1939 гг. и член редколлегии в 1956–1985 гг., член-корреспондент АН СССР по ОЛЯ, заместитель академика-секретаря ОЛЯ (1957–1962), впоследствии академик-секретарь (1962–1966).

Дело в том, что Михаил Борисович и я как члены редакционной коллегии «Литературного наследства» ознакомились с этим томом не в процессе его подготовки, а уже в процессе его обсуждения для печати. Этот том обсуждался нами совместно со вторым томом.

Между членами редакционной коллегии обнаружили разногласия в оценке самого материала. Я бы хотел эти разные точки зрения членов редколлегии отразить, поскольку тут надо различать некоторые принципиальные точки зрения и тактику действий. Я прежде всего остановлюсь на своем понимании этого материала, может быть, крайнем, которое не одобряют историки литературы.

Мне как исследователю стиля художественной литературы, как языковеду такой биографический материал из жизни писателя, не связанный непосредственно с его литературным окружением и с его творческой работой, кажется не очень полезным. Мне как исследователю стиля художественной литературы очень мало помогали, напр., письма к А.Г. Достоевской, даже письма Пушкина к жене. Я считаю, что такого рода материал не имеет прямого отношения к изучению творчества писателя.

Дело в том, что мы имели дело с этим материалом уже тогда, когда он должен был быть опубликован в печати, т. е. когда уже наступил срок издания. Поэтому я очень резко высказал свое осуждение относительно воспоминаний Брик, которые должны были печататься в томе²⁶. Я даже считал, что у нее написано так, что эти вос-

---

²⁶ В письме к Л.Ю. Брик, датированном 29 ноября 1956 г. и написанном уже после того, как она передала редакции имеющиеся у нее материалы, И.С. Зильберштейн, в частности, писал: «Вернулся из Кисловодска около двух недель назад. И на следующий же день зашел к В.В. Виноградову, чтобы узнать его мнение о Ваших воспоминаниях. Оказалось, что по разным причинам, главным образом из-за сверхчеловеческой занятости, даже письма Маяковского ему не удалось дочитать, что же касается Ваших воспоминаний, то он успел их лишь перелистать. Не буду говорить о том, каким образом удалось добиться того, чтобы В.В. Виноградов ознакомился со всем этим, но ко вчерашнему дню он все прочитал. После этого я имел с ним подробный разговор о Ваших воспоминаниях. И тогда же я попросил его написать Вам письмо, которое одновременно посылаю. Теперь, дорогая Лиля Юрьевна, я надеюсь, Вы поверите, что после такого отзыва академика-секретаря Отделения Литературы и Языка Академии Наук СССР и главного редактора нашего издания нам уже не страшен никакой Хр[апченко] и что Ваши воспоминания появятся полностью в томе «Литературного наследства», посвященного Маяковскому» (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 1). Более того, сам Виноградов в письме Л.Ю. Брик от 28 ноября 1956 г. оставил более чем сочувственный отзыв о ее воспоминаниях: «С живым интересом и большим увлечением я прочитал Ваши воспоминания о В.В. Маяковском. Естественно, что они носят яркий от-

поминания о 15 годах [*так в стенограмме!*] жизни самой Брик. Поэтому эти материалы, может быть, нужно печатать в Гослитиздате, в серии воспоминаний, как публикацию, относящуюся к истории литературного быта, которая когда-то так выдвигалась, но это не имеет значения для тех, кто работает с текстами, с литературным творчеством того или иного писателя. Я прямо скажу, что я совершенно отрицательно отношусь не только к воспоминаниям Брик, но и к воспоминаниям Эльзы Триоле о Маяковском²⁷.

Таким образом, у нас в редакции было довольно бурное обсуждение соответствующего материала, связанного с этим томом. Я думаю, что изучение творчества Маяковского мало потеряло от того, что связь его с Брик и т.д. не была предметом историко-литературных и бытовых исследований. Но это моя личная точка зрения, точка зрения человека, который имеет дело с текстом литературных произведений, с художественным творчеством поэтов. Поэтому я свою точку зрения естественно не мог навязывать другим членам редколлегии.

Михаил Борисович провел очень большую и кропотливую работу по оценке этих материалов. Я прямо должен сказать, что колебания у нас были настолько велики, что этот материал мы даже представили вице-президенту Академии наук К.В. Островитянову с просьбой обсудить этот материал как лицу, которое могло бы занять в этом вопросе более решительную и более объективную позицию.

Дело в том, что мы имели дело с этим материалом уже тогда, когда уже наступил срок издания. В конце концов все-таки было достигнуто общее соглашение. Возникал вопрос и о публикации

печатак Вашей личности, Вашего стиля, Вашего эмоционального отношения. Но все это так интимно и так органически связано у Вас с художественным творчеством В.В. Маяковского, что получает глубокое внутреннее оправдание [...] Следовательно, опубликование Ваших воспоминаний и писем В.В. Маяковского к Вам явится большим событием в изучении жизни и творчества этого поэта» (*Архив ЛН*).

²⁷ Переписка Маяковского с Л. Брик и Э. Триоле была впервые опубликована Б. Янгфельдтом: Из истории отношений Маяковского и Л.Ю. Брик. Переписка 1915–1930. Стокгольм, 1982 (рус. изд.: Любовь — это сердце всего. М., 1991); «Дорогой дядя Володя...». Переписка Маяковского и Э. Триоле. 1915–1917. Стокгольм, 1990. Кроме того, материалы аналогичного содержания, в том числе и переданные Янгфельдту Л.Ю. Брик, вошли в книги: Vladimir Majakovskij: Memoirs and Essays / Edited by N.Å. Nilsson and B. Jangfeldt. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1975 (Stockholm Studies in Russian Literature; 2) — здесь были опубликованы воспоминания Л.Ю. Брик, Э.Ю. Триоле и Р.О. Якобсона; *Jangfeldt B. Majakovskij and Futurism, 1917–1921*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1976 (Stockholm Studies in Russian Literature; 5).

рисунков Маяковского в этих письмах. Так что нас вообще очень многое смущало, и мы, может быть, проявили недостаточно строгое критическое отношение к этим письмам, поскольку в конце концов они все-таки увидели свет, потому что мы надеялись, что материал историко-литературного характера в некоторых письмах принесет известную пользу, кроме того часть этих писем находила некоторое отражение в предшествующих публикациях. Поэтому этот том был одобрен редакционной коллегией в целом. Так что ответственность ни с меня, ни с Михаила Борисовича за публикацию этого материала в томе не снимается, но, как вы видите, отношение к нему членов редколлегии было неодинаковое. Теперь я бы просил сказать Михаила Борисовича.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

Я думаю, что в этом нет необходимости. По ходу прений мы к этому вопросу вернемся, но главное не в том, какие были разногласия. Том опубликован, фамилии членов редколлегии под этим томом значатся, так что за все плохое и хорошее, что там есть, они отвечают.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Я ответил на вопрос, но если есть неточности, прошу Михаила Борисовича поправить.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

Неточностей нет, а потом по ходу прений можно будет сказать.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Переходим к обсуждению. Кто желает выступить?

Д.Д. БЛАГОЙ²⁸

Мне кажется, что письма Маяковского к Л.Ю. Брик включать в том не следовало бы. В этом отношении редколлекцией совершена ошибка.

Вместе с тем, мне хочется указать, что это ошибка не одного только «Литературного наследства». «Литературное наследство» в этом отношении шло в русле у нас за последнее время довольно твердо установившейся традиции, и вот об этой, совершенно ложной, с моей точки зрения, традиции, выразившейся и в публикации этих писем, мне хочется несколько слов сказать.

Речь идет не только о биографическом материале. Даже в собраниях сочинений, когда издаем произведения наших писателей,

---

²⁸ Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) — литературовед, член-корреспондент АН СССР с 1953 г., член редколлегии «ЛН» в 1961–1983 гг.

мы не производим отбора того, что есть в литературе и что подлежит публикации в Собрании сочинений писателя, от того, что существует в рукописях, но не подлежит публикации, — от всякого рода шалостей, упавших с пера писателя, экспромтов, произведений, рассчитанных на узкий круг читателей и никак не рассчитанных на опубликование их для широких масс читателей и никак не входящих в круг собственно творческого наследия писателя.

Вот пример.

В полном Собрании сочинений Пушкина академическом, а подчас в изданиях, выходящих очень большим тиражом, не публикуется «Тень Баркова». В академическом издании она даже не фигурирует, как опыт изложения. Ведь там можно было бы из этого опуса отобрать целый ряд вполне пристойных строк, которые вместе с тем составляют какой-то момент для академического изучения творческого развития Пушкина. Я считаю, что Пушкин написал это в какой-то мере на литературе об изощренных развратных героях, которые он с малых лет вычитал из произведений, наполнявших шкафы его отца.

Это было не напечатано. Не напечатано почему? Потому что у редактора было желание, почти реализованное, напечатать «Тень Баркова» отдельным изданием, рассчитанным в основном на узкий круг читателей. По счастью, наборщик отказался в первый момент набирать. Это совершенно точный исторический факт. Но потом все-таки набрал, и я видел верстку этого тома с комментариями. Это было тогда, когда выходило академическое издание. В академическом издании «Тень Баркова» никогда не печаталась, но во всех изданиях Пушкина печаталась, только в тех местах, где есть непристойные фразы, слова заменялись соответствующим количеством черточек, по которым легко было угадать пропущенные слова²⁹. Я считаю это серьезной ошибкой. Исследователь, конечно,

---

²⁹ Речь идет о М.А. Цявловском, составившем первый научный комментарий к «Тени Баркова» (1814–1815) и намеревавшемся включить критическую публикацию полного текста «баллады» в Академическое собрание сочинений Пушкина в качестве приложения, издание которого предполагалось ограниченным тиражом (200 экземпляров). В начале 1930-х гг. он устраивал чтения поэмы и знакомил слушателей со своими комментариями к ней. В составленной Т.Г. Цявловской библиографии трудов Цявловского в частности фигурировала следующая позиция: «“Тень Баркова” Пушкина. Особое приложение к т. I Академического издания [...] (на правах рукописи, не для продажи). 8 печ. л. Было набрано, сверстано, но издание не состоялось». Этот замысел прошел этапы от рукописи до второй корректуры (в апреле 1937 г.). О том, как дальше развивались события, писали И.А. Пильщиков и М.И. Шапир в комментариях к современному научному изданию «баллады»: «“Тень Баркова” готовилась к изданию в обстановке строжайшей секретности: она печаталась в типографии НКВД, где работали всего два наборщика (глухонемые муж и жена). Но иссле-

обязан все знать о писателе — все из его творчества и все из его биографии, но он всегда может найти необходимый материал в соответствующих книгохранилищах. Может быть, для издания академического типа, которое должно представлять собою свод всего, что написано писателем, и можно сделать какое-то исключение, но для массовых изданий это ненаучно и вредно. Когда я в свое время на редколлегии «Огонька» по массовому изданию Пушкина поднял этот вопрос, то меня затюкали, говорили, что это тартюфство, квакерство, лицемерие и все прочее. Я продолжаю твердо стоять на этой позиции. Мы должны при публикации литературного наследия писателя отбирать то, что является литературным в собственном и прямом смысле этого слова, т. е. имеет в виду обращенность писателя к народу, потому что начиная с Пушкина все великие писатели, классики обращали свое творчество к народу.

Еще менее это допустимо с точки зрения публикации мемуарных и биографических материалов. Я интересуюсь литературой не только с точки зрения стиля, но и в более широком историко-литературном плане, в плане связей писателя с жизнью. Биография писателя в этом отношении представляет чрезвычайную важность, чрезвычайное значение, но вместе с тем я считаю глубочайше неправильным, когда появляются статьи, целые исследования с соответствующими публикациями материалов, посвященных знаменитому процессу по огаревскому наследству, когда собирается все то, что может выставить Некрасова если не шулером, то завзятым игроком, мечтавшим только о миллионе, когда все окружение Некрасова, когда подруга его жизни русская писательница Панаева выставляется черт знает в каком свете, когда печатается все, что свя-

---

дованию Цявловского не суждено было увидеть свет ни тогда, ни еще долгие годы спустя. В типографии возник пожар, и обширный комментарий к балладе, казалось, был утрачен навсегда. Тем не менее в 1939 или 1940 г. верстка «Тени Баркова» неожиданно «всплыла» в одном из московских букинистических магазинов, а в 1943 г., благодаря чистой случайности, к Цявловскому вернулась также часть наборной рукописи [...] После смерти вдовы Цявловского [...] его комментарии к «Тени Баркова» вместе с комментариями к тому лицейской лирики и другими материалами, предназначавшимися для большого академического собрания сочинений Пушкина, были переданы К.П. Богаевской в Рукописный отдел Пушкинского Дома». Полный текст «Комментариев» Цявловского был впервые опубликован лишь в 1996 г. (*Пушкин А. Тень Баркова* (Контаминированная редакция М.А. Цявловского в сопоставлении с новейшим списком 1821 г.) / Публ. и подгот. текста И.А. Пильщикова; Вступ. заметка Е.С. Шальмана // *Philologica*, 1996. Т. 3. № 5/7. С. 133–157). Подробный документированный рассказ об издательской судьбе «Тени Баркова» и исследовании Цявловского см.: *Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы* / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М.: Языки слав. культуры, 2002. (*Philologica russica et speculativa*; Т. II). С. 157–162.

зано с Чернышевским, с его отношениями к Ольге Сократовне, и проч. и проч.³⁰ Повторяю, что исследователь должен все знать и стыдливости тут быть не должно, но давать этот материал широкому читателю, я считаю, не нужно и даже вредно. А что это не тартофство и не квакерство, мне хочется прочесть известную всем, но я еще раз хочу повторить цитату из письма Пушкина, который жестоко воевал против чопорности и говорил, что литература пишется не для пятнадцатилетних девушек. Вот что пишет он Вяземскому:

«Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чорт с ними! слава богу, что потеряны... Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробу посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе»³¹.

Пушкин не был литературоведом.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ
Кто еще желает выступить?

А.И. МЕТЧЕНКО

По тому «Литературного наследства», который обсуждается, получено две рецензии. Из них первая никакой оценки, кроме отрицательной, не содержит, а вторая содержит свою концепцию, которая тоже не может вызвать поощрения, тенденция это известная. Она не отличается от старой точки зрения Колоскова. Она нашла отражение в этой статье Колоскова и выступающего вместе с ним Воронцова. Они игнорируют сложность процесса развития литературы и Маяковского, как одного из писателей, а имеют в виду только одну сторону: развивается действительность и развивается поэт. Они ставят знак равенства между действительностью и поэтом. А то, что Маяковский, который, конечно, развивался вместе с действительностью и под влиянием действительности, в то же время был поэтом, которому приходилось преодолевать такие ошибки, которые снимаются только марксистско-ленинской действительностью, они игнорируют.

---

³⁰ Подразумеваются материалы, вошедшие в книгу: *Черняк Я.З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в спорах об огаревском наследстве (Дело Огарева — Панаевой). По архивным материалам. М.-Л.: Academia, 1933.

³¹ Из письма П.А. Вяземскому, датированного второй половиной ноября 1825 г. См.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч., 1837–1937: В 16 т. Т. 13: Переписка. 1815–1827 / Ред. Д. Д. Благой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 243–244.

Вот такая тенденция есть в рецензии Колоскова. И, тем не менее, несмотря на то, что он сохраняет свою старую, ненаучную концепцию, в этой рецензии справедливо сказано по поводу этого тома.

Дело заключается в том, что это выступление Колоскова, а за ним последовали и другие, — это выступление, которое можно назвать новой попыткой исправления истории, с тем, чтобы из истории снять противоречия, снять те сложные, мучительные процессы, которые в действительности имеются. Для такого рода тенденции дает сейчас основание, в частности, выход этого тома «Литературного наследства», потому что, если там имеем дело с улучшением истории, то здесь имеем дело с ухудшением истории. То есть от начала до конца падение этой линии на ухудшение истории³².

Я должен сказать, что я согласен с оценкой ряда статей, которую здесь дал т. Бархударов. Здесь есть статьи интересные и ценные. И статья Паперного, и статья [В.Ф. Земскова]³³ и отчасти статья Катаняна. Конечно, у каждого автора могут быть свои суждения и замечания, — но это дело частное и тут особого спора быть не может.

Но вот что касается материала этого тома, комплектования его, той общей атмосферы, которая создается этим томом, то у меня создается такое впечатление, что не только фактом опубликования этих писем Брик — не только этим, но весь том, как таковой, если исключить все статьи, о которых я говорил, что он создает одностороннее, ложное представление о Маяковском.

---

³² За рецензией Воронцова и Колоскова последовали публикации: [Анон.] Против искажения исторической правды // Литературная газета 1959. 16 апр. № 46. С. 2; [Анон.] Против клеветы на Маяковского: Еще раз по поводу «нового» о великом поэте // Литература и жизнь. 1959. 10 апр. № 43. С. 2; *Сморodin А.* Изучение наследия Маяковского // Русская литература. 1959. № 1. С. 228–235. Последняя из названных рецензий содержала положительную оценку всего тома в целом и отдельных его материалов. Анонимная рецензия, напечатанная в «Литературе и жизни», по тону и содержательно продолжала линию, начатую Воронцовым и Колосковым. В ней в то же время нетрудно уловить и родственность тем оценкам, которые были высказаны на обсуждении тома: «Антинаучный подход к наследию Маяковского проявился прежде всего в том, что составители “Литературного наследства” путем тенденциозного подбора некоторых материалов, опираясь на сомнительные свидетельства, создают ложное представление о поэте. Некоторые “изыскания” грубо попирают истину о Маяковском, якобы находившемся в разладе с советской действительностью, тем самым переключаясь с измышлениями зарубежных ревизионистов». Спустя шесть дней «Литературная газета» напечатала рецензию, которая во многих случаях текстуально совпадала с содержанием предшествующей ей публикации. Очевидно, что эти публикации были инспирированы определенными партийными директивами.

³³ Скорее всего, в тексте стенограммы пропущено упоминание статьи В.Ф. Земскова (см. примеч. 10).

Я бы сказал так, — и пусть не обидятся на меня товарищи, что это академические близнецы «Литературной Москвы»³⁴. Там тоже есть ценный материал, — есть отрывки из газет, опубликованные к таким-то датам; но поскольку академические издания выходят с большим запозданием, то мы этот том получили, когда там..... уже прекратили.

А здесь выходит нечто подобное, потому что атмосфера здесь та же самая. Большого писателя можно дискредитировать, опираясь на абсолютную академическую добросовестность. Например, можно дискредитировать фольклор, народное творчество, выбрав из него только похабщину. Можно дискредитировать Шолохова как художника, написав такую работу (я читал такую работу, она не пошла в печать), где подобраны из Шолохова только одни выражения вульгарного характера, и это будет такой поразительный набор, что Шолохов может быть родственником Баркова. Я никогда не думал, что так может получиться, но человек собрал в одной работе, где он исследует определенную проблему, все выражения деда Щукаря и большого количества персонажей, и получилось бог знает что.

В этом томе мы тоже видим своеобразный подбор материала, который заставляет подумать о том, как издавать в дальнейшем подобного рода вещи, учитывая то, что советская литература сейчас на прицеле у всех буржуазных исследователей, ревизионистов, и здесь каждая оплошность, особенно серьезная, используется. Я бы сказал, что здесь, даже начиная с самого названия «Новое о Маяковском», есть нечто, дающее материал в руки ревизионистов — польских, югославских, которые выступили со статьями о «новом Маяковском» (случайно даже совпадение здесь получилось), Якобсона, который опубликовал материалы для этого так наз[ываемого] «нового Маяковского»³⁵. У них Маяковский это не трибун револю-

---

³⁴ Первый выпуск альманаха «Литературная Москва» вышел в свет в начале 1956 г. В нем, в числе других произведений, были опубликованы стихотворения Ахматовой, Пастернака, Заболоцкого, проза Пришвина и Каверина. Второй выпуск (вышедший в конце того же года), в котором были опубликованы, в частности, рассказ А. Яшина «Рычаги» с ясно читаемой критикой тоталитарного режима и «Заметки писателя» А. Крона, содержащие открытое выступление против идеологической цензуры, вызвал гнев ЦК КПСС и Комитета по делам печати. Начались многочисленные собрания, на которых оказывалось идеологическое давление на авторов альманаха и его главного редактора — писателя Э. Казакевича.

³⁵ Имеются в виду следующие публикации, осуществленные Р.О. Якобсоном и включившие в себя неизвестные стихи, письма и материалы записных книжек Маяковского: Новые строки Маяковского // Русский литературный архив. Под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956 (в составе публикации были и «Комментарий к поздней лирике Маяковского», написанный Якобсоном, и сопроводительные стихи при посылке цветов, выдержки

ции, а это Маяковский, тесно связанный с европейским модерном, это Маяковский, который если и писал революционные стихи, то в какой-то мере душа свой собственный талант.

Последнего, конечно, нет в этом томе, но здесь есть погоня за сенсацией, абсолютно ненужная и вредная. Если учесть, что том подготавливался в период, когда такого рода сенсационные вещи выходили о Маяковском за рубежом, если дано название «Новое о Маяковском», то оно должно быть направлено против того «нового Маяковского», о котором пишут буржуазные исследователи ревизионисты. Здесь нет борьбы с тем искажением, с той фальсификацией Маяковского, которая ведется за рубежом.

Известно, что Якобсон в своих комментариях о позднем творчестве Маяковского предельно академичен. Но что он делает? Он тенденциозно подбирает определенного типа метафоры Маяковского, определенные биографические сведения, которые должны привести к мысли о том, что поэт был своеобразным заключенным в рамках Советского Союза и в конце концов расшибся об огромный ров, когда ему не дали выехать за границу.

И вот здесь мы имеем тоже дело с субъективно добросовестным отношением к делу. Я не думаю, что товарищи, которые писали статьи, виноваты. Они просто нашли отдельные факты и решили спрятать хороший материал, не учитывая значения этого. Но тут виноваты не столько отдельные авторы, сколько редакция, которая имела весь материал в совокупности и могла учесть, как выглядит это в целом. Получилась односторонняя иллюстрация определенного характера фактов, фактов, совершенно искажающих представление о Маяковском, как о великом, о величайшем поэте революции, о величайшем поэте XX века.

В чем дело? Вот этот том называется «Новое о Маяковском». Что понимать под выражением «новое»?

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Название «Новое о Маяковском» не было утверждено. Михаил Борисович может сказать, что против этого названия были возражения. Оно появилось в процессе этого издания независимо от редакционной коллегии.

Я должен сказать, что когда в «Коммунисте» печаталась статья «Записки Ленина», то редакция на большом совещании дала задание: никакой сенсации! Материалы публикуются, но чтобы материалы эти не лезли в глаза, — никакой сенсации! — тем более, что материалы эти, записки эти были известны исследователям и неиз-

---

из писем и телеграмм Маяковского Т. Яковлевой, тексты дарственных надписей Маяковского на книгах, подаренных Яковлевой); Unpublished Majakovsij // Notes. Harvard library bulletin. Vol. IX, Number 2, Spring 1955.

вестны читателям. Нужно, чтобы это не производило впечатления только что открытого, — что это новое, неизвестное. Записки эти были известны, и на заседании у Луначарского это «никакой сенсации!» было оправдано, чтобы не давать пищу для сенсации. Но это действительно было известно³⁶.

Возьмите теперь материалы, которые здесь появляются, например, стенограммы выступлений Маяковского. Во-первых, целый ряд выступлений Маяковского публиковали, уже были общеизвестны. Они публиковались в XII томе Собрания сочинений, вышедшем в 30-х годах³⁷. Во-вторых, целый ряд небольших кусков их появлялся в печатных работах, например, т. Перцова, в моей книге³⁸. Так что здесь очень мало нового, что еще не вошло в научный обиход.

Здесь помещены письма Брик. Но письма Брик печатались в сборнике «Маяковский»³⁹. Они все использованы. Так что ничего принципиально нового эти письма читателю не дадут, а тем более исследователю они ничего нового не открывают.

Значит, претензия на новизну здесь не обоснована, не имеет под собой никакой почвы, кроме сенсационности.

Но ведь так получилось, что, когда в таком контексте появляются даже «Записки Ленина», то несмотря на то, что редактор был чужд сенсации, но в общем, и это звучит, как сенсация, потому что здесь такой автор, как [Маяковский], и другие были действительно увлечены тем, чтобы в своей полемике, уже по личным соображениям обязательно показать это «Новое о Маяковском»: Маяковский выступает во Временное правительство, Маяковский за продолжение войны и т. д. И все-таки это ложь! Почему ложь? Потому что во всех этих случаях происходит такая подборка материала.

---

³⁶ Упомянута публикация ряда документов, относящихся к последним годам жизни Ленина (1922–1923) и получивших название «Завещание» (вариант: «Политическое завещание»): диктовки Ленина в декабре 1922 г. и добавление к ним в январе 1923 г. (озаглавленные при публикации «Письмо съезду»), статьи «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» и «О придании законодательных функций Госплану», записка «К отделу об увеличении числа членов ЦК». См.: Коммунист. 1956. № 9. С. 16–26.

³⁷ См.: *Маяковский В.В.* Полн. собр. сочинений / Под общ. ред. Л.Ю. Брик и И. Беспалова. Т. XII: [Статьи, заметки, стенограммы выступлений 1917–1930 / Ред. и прим. В. Катаняна]. М.: Художественная литература, 1937.

³⁸ По-видимому, В.В. Виноградов упоминает свою книгу «О языке художественной литературы», вышедшую в первой половине 1959 г. В главе «Язык художественного произведения» он цитирует статью Маяковского «Как делать стихи» (С. 228–229).

³⁹ Речь идет об альманахе «С Маяковским», вышедшем в 1934 г. Там были, в числе прочих материалов, опубликованы шесть писем Маяковского Л. Брик и небольшой фрагмент из ее воспоминаний.

Почему я задал вопрос относительно того, почему стенограммы выступлений Маяковского не печатались. Если показывать в этом томе и явно ошибочные позиции Маяковского, получается поэт, который идет сложным путем и на первом плане у него огромной силы мысль, связанная с действительностью. Если вы будете брать высказывания Маяковского и против наследства, и в защиту ЛЕФа, и т. д. в контексте его стихов — произведений, замечательных по широте мысли, по правильности и принципиальности позиций, то увидите, что перед вами сложный поэт, развивающийся в сложной обстановке, но перед вами большой поэт. А когда здесь соответствующим образом отбирается только однородный материал и даются комментарии, проникнутые ..... — мы вам даем другого Маяковского, то почему не написан в духе биографии Пастернака, где говорится о том, что Маяковского насаждают как картофель⁴⁰.

Относительно писем Маяковского к Л. Брик. Я считаю, что эти письма где-то, конечно, имеют право быть опубликованными, тем более, что они уже публиковались, ничего в них особенного нет. Что же здесь получается? Тут встает вопрос о полноте — его подняли выступавшие ранее товарищи. Действительно ли полнота так уж необходима вообще и возможна ли она в полном смысле слова? Почему же здесь не опубликованы рядом с письмами и телеграммами к Брик его письма и телеграммы к Т. Яковлевой, почему здесь нет переписки с другими женщинами, — их было много, — с которыми Маяковский встречался и которым он писал записки и телеграммы? Тогда нужно было всех их собрать и это будут донжуанские письма Маяковского, — и то за полноту вы не можете ручаться.

Так, как это напечатано здесь, это создает совершенно ложное представление о Маяковском, о его творчестве, о его связях, жизненных и литературных. Воскрешается старая концепция, которая была в 30-х годах, что большой поэт оказался поэтом маленькой группы, где были такие лица, как Крученых, Пастернак и др. Здесь связи с жизнью нет, за исключением очень незначительных публикаций, здесь биографический материал просто бьет: Маяковский — представитель определенной узкой группы, определенной тенденции, определенного направления, и он никак не может из этой группы вырваться, он втиснут в эту группу⁴¹.

⁴⁰ Виноградов ошибается: на самом деле это слова самого Б.Л. Пастернака. В мемуарном очерке «Люди и положения» (1956–1957) он писал о Маяковском так: «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он не повинен».

⁴¹ По-видимому, В.Р. Щербина внимательнее других слушал выступление В.В. Виноградова и принял его формулировки буквально. В его статье «Ис-

Возьмите публикацию Харджиева. Когда-то вместе с Треневым была написана работа «Маяковский.....поэзия» и ряд других работ. Хотя общая тенденция этих работ была неверна и была осуждена нашей критикой, но там было умно написано. Здесь же этого ума не чувствуется, здесь какой-то перечень фактов, часто произвольно осмысленных, и в целом получается картина весьма и весьма внушительная, но очень сомнительная с точки зрения соответствия действительной роли Маяковского в литературе⁴².

У меня почему-то, когда я читал этот том, возникла такая параллель: 51-й том Большой Советской энциклопедии⁴³. Вот когда там в соответствующие тома БСЭ не могли быть включены, по понятным нам причинам, многие имена, то эти имена потом попали в 51-й том БСЭ. Но там не было сообщено, почему имена этих людей не попали в соответствующие тома, не было сообщено, почему эти люди пострадали, выпали из жизни. Ведь если бы это было сообщено, то это явилось бы тем, чем могли бы воспользоваться.

А здесь берутся выборочно материалы. Может быть, они по ошибке не были включены в «Собрание сочинений». А что касается других материалов, то это материал, о котором не знали, как его включать, как комментировать.

Так что общее впечатление у меня от этого тома сложилось такое, что том этот работает не на наше советское литературоведение.

Мне звонил Леонид Иванович Тимофеев⁴⁴, которому я сооб-

точный вдохновения», напечатанной в «Литературе и жизни» 22 апреля 1959 г., среди прочего, есть фраза, подтверждающее это: «...в критике еще иногда появляются остатки отживших групповых воззрений на развитие советской литературы. Отзвуки этих взглядов проявились, например, в недавно вышедшем в свет томе “Литературного наследства” — “Новое о Маяковском”. Произвольно подобранные в этом томе “Литературного наследства” материалы показывают Маяковского по преимуществу представителем узкой футуристической группки, а не великим поэтом советского народа. Односторонний характер материалов в томе не дает представления о Маяковском как поэте революции, бурно растущем на почве постоянного движения народа, а прежде всего связывает облик поэта с прошлым, создает ложное впечатление о расхождении поэта с обществом».

⁴² Упомянута книга «Поэтика раннего Маяковского», написанная Н.И. Харджиевым в соавторстве с В.В. Трениным. Она была напечатана в 1936 г. в издательстве «Литературный критик». Кроме того, в 1940 г. в издательстве «Художественная литература» вышла в свет их книга «Маяковский и живопись». Харджиев Николай Иванович (1903–1996) — историк литературы, искусствовед, коллекционер, специалист по русскому авангарду. В томе были опубликованы его «Заметки о Маяковском». Тренин Владимир Владимирович (1904–1941) — литературовед.

⁴³ Большая Советская Энциклопедия. Т. 51 (доп.). А–Я. М., 1958.

⁴⁴ Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984) — литературовед, теоретик литературы в 1941–1970 гг. — заведующий Отделом советской литературы Ин-

щил основные мои положения в отношении этого тома, и он сказал, что и у него получилось такое же впечатление от этого тома.

В.Д. ДУВАКИН

Я должен оговориться, что я только вчера узнал об этом заседании, — поэтому не имел возможности к нему подготовиться, как должно. Поэтому заранее извиняюсь за некоторый экспромтный характер выступления.

Здесь было сказано очень много верного, но мне кажется, что тот вывод, которым закончил сейчас свое выступление Алексей Иванович, все-таки является несколько сгущенным. Мне кажется, что такой вывод не вытекает из содержания тома, а вытекает только из полемической логики. И когда я говорил с Алексеем Ивановичем, у него звучало это несколько иначе.

Он высказал тоже довольно серьезные указания на то, что редакционная работа проделана недостаточно, что это выглядит несколько провинциально.

Мне кажется, что при всем том справедливом, что высказал Алексей Иванович, я думаю, — я менее знаком с тем, что пишут за рубежом и боюсь сказать, в какой мере это может быть использовано в печати за рубежом и не хочу выступать в смысле прогнозов, — но мне хочется сказать, что неправильно сказать, что этот том не будет работать на советское литературоведение. Это неправильно. Я думаю, что многое из этого тома будет работать на советское литературоведение в течение длительного срока, так же, как и другие тома «Литературного наследства», которые тоже не все равноценны. В таком большом деле разные степени удач и разные степени неудач.

Так что если рассматривать 64 тома «Литературного наследства», как некоторое восхождение и шествие по горному плато, а 65-й том рассматривать как падение в пропасть, то такая картина не будет соответствующей действительности. Да в конце концов это противоречит и тому, что сказал сам Алексей Иванович относительно статей Паперно[го] и Земско[ва], которые редакторы должны были подработать, а не давать в рыхлом виде, навалом.

Новое ли это? Мне это 25 лет известно, все это демонстрировалось на выставке в 20-х гг.⁴⁵, но для широкого читателя это, может быть, ново. Здесь надо было помочь читателю, дать это более компактно.

Я считаю очень нужной и ценной работой, к которой безусловно будут обращаться исследователи, работу Арутючевой «Записные

ститута мировой литературы им. А.М. Горького, член редколлегии ЛН в 1961–1984 гг., член корреспондент АН СССР с 1958 г.

⁴⁵ Речь может идти, главным образом, о выставке «20 лет работы», открывшейся 1 февраля 1930 г. в Клубе Писателей в Москве.

книжки Маяковского». Очень несерьезно Колосков походя ее задел, буквально шлепнул. Обобщение заключается в том, что там у Маяковского есть гонорарные записи. Это мелкая деталь, выдернутая очень тенденциозно. В целом это очень основательный, большой труд⁴⁶. Описаны материалы, о которых до этого писали наскоками. Это само по себе является несомненно плюсом.

Статья Катаняна была бы более уместна, если бы она появилась двадцать лет назад, потому что она написана по двум книжкам, которые лежат у него дома с того времени. Это две хрестоматии, которые сохранились в библиотеке Маяковского. Странно, что до них руки дошли только через 25 лет⁴⁷.

Я не имел возможности все прочитать и изучить до конца. В том, что получается известный крен, есть, конечно, доля истины и большая доля истины. Известный крен получился стихийно, и я думаю, что надо обязательно исправить этот крен выпуском второго тома. Мне кажется неудачной статья Зильберштейна⁴⁸. Статья Харджиева у меня вызвала недоумение. Я знаю Харджиева и удивляюсь, как он совершенно разбросанные и случайные замечания, из которых три четверти более чем гипотетические, позволил себе опубликовать в таком издании. Я знаю его как серьезного работника, и просто этим удивлен.

Сейчас интерес к Маяковскому очень велик. Не далее как сегодня я имел беседу с одним товарищем, который по заданию Союза писателей ездил в порядке подготовки материалов к съезду в Тулу и Тульскую область и выяснял, что читают там больше всего⁴⁹. Картина выяснилась очень неблагоприятная с точки зрения поэзии: читают романы в первую очередь, поэтов не читают (он обследовал ряд библиотек). Но из поэтов по читаемости, не исключая несовременных поэтов и классиков, на первом месте Маяковский.

---

⁴⁶ Снобистски высмеивая фразу исследовательницы о гонорарах («В ранних книжках часто встречаются различные денежные записи и записи гонорара, как за стихи, так и за рисунки к “Окнам Роста”. Цифры гонораров растут вслед за падением рубля и становятся стойкими при твердой валюте»), рецензент продолжал: «Весьма пространный статья В.А. Арутчевой “Записные книжки Маяковского” очень мало дает для уяснения творческой лаборатории самого Маяковского — талантливого, оригинального, самобытного поэта».

⁴⁷ Речь идет о книгах, которыми пользовался Маяковский: «Хрестоматия по истории Октябрьской революции», составленная С.А. Пионтовским (М.: Красная новь, 1923); «Октябрьская революция» — хрестоматия, составленная А.Е. Шейнбергом под редакцией К.Т. Свердловой (М.: Госиздат, 1925).

⁴⁸ Ошибка стенографиста или оговорка. В томе нет ни одной статьи И.С. Зильберштейна. Очевидно, подразумевается статья Е.А. Динерштейна (см. примеч. 62).

⁴⁹ Третий Всесоюзный съезд советских писателей состоялся в мае 1959 г.

(В.И. ПЕРЦОВ: Еще и потому, что он включается в школьную программу.)

И Пушкин есть в программе, но Пушкин позади.

Причем интересно, что в каждом месте, где я был, все-таки находились один-два-три-четыре человека, зараженных Маяковским, актив, который является каким-то бродилом в этом в общем инертном отношении. Вообще такое проникновение Маяковского к широкому читателю совершается.

Когда собираются у нас преподаватели вузов, для них эти стенограммы чрезвычайно интересны.

Я не спорю, что в самом названии тома — «Новое о Маяковском», есть неприсущая «Литературному наследству» сенсация. Может быть, название не нужно давать, — это претенциозно. Но давали, например, «Новое о Герцене». Но там это действительно новый материал⁵⁰.

В целом этот том для всякого, широко интересующегося и изданиями «Литературного наследства» и интересующегося Маяковским, этот том интересен.

Здесь поднят был и другой вопрос, который Дмитрий Дмитриевич поставил наиболее остро. Вообще публикация биографических материалов — писем и т.п. в Собраниях сочинений зависит от нравственной цензуры редактора. Это вопрос старый. Мне кажется, что с тех пор, как начали издавать, этот спор идет. Это просто очень древний спор.

Я помню, еще Гончаров сказал: «Не печатайте мои письма!»⁵¹. Но все-таки все время их печатают. Если подумать о причине воз-

⁵⁰ Вероятно, речь идет о томах «ЛН», посвященных А.И. Герцену и Н.П. Огареву — «Герцен и Огарев» (тт. 61–63) и «Герцен в зарубежных коллекциях» (т. 64). Заголовок «Новое о Герцене» в томах «Литературного наследства» не фигурировал никогда.

⁵¹ И.А. Гончаров в своих письмах близким друзьям не раз затрагивал вопрос о публикации его эпистолярного наследия: «...писем моих не показывайте никому: они пишутся к вам и для вас — без всяких видов, и пишутся небрежно, — а другие взыщут...» (из письма Е.А. и М.А. Языковым 27 декабря 1852 г. (8 января 1853 г.). Портсмут); «Что касается до этого и следующих писем, то Вы, Николай Апол[лонович], обещали не давать их никому, а прятать до меня, потому что после я сам многое забуду, а это напечалит мне: быть может, понадобится. Притом я пишу без претензий для вас и других самых коротких друзей, оттого и желал бы, чтобы прочли только они; вы их всех знаете. Если будут спрашивать, скажите, что кто-нибудь взял, да не принес...» (из письма Евг.П. и Н.А. Майковым 20 ноября (2 декабря) 1852. Портсмут); «Прощайте, милый друг, не показывайте моих безобразных писем никому или весьма немногим, например, Майк[овым], Льховск[ому], если они захотят, да только у себя дома...» (из письма Ю.Д. Ефремовой 29 июля (9 августа) 1857. Маренбад).

никновения этой традиции, то в какой-то степени следует немножко уважать ее. Когда речь идет об очень крупном явлении культуры, то читатель не довольствуется только общественным обликом этого писателя и начинает интересоваться другими его человеческими проявлениями.

Д.Д. БЛАГОЙ

Хотят видеть его на судне...

В.Д. ДУВАКИН

Вы не правы, Дмитрий Дмитриевич. Не обязательно с точки зрения физиологии. С этой точки зрения, нельзя было бы печатать дневники Софьи Андреевны. Безусловно, недопустимо было, и, тем не менее, то, что они напечатаны, для изучения толстовского наследия нужно⁵².

Дмитрий Дмитриевич здесь сделал известную подстановку, не вполне правильную.

Любопытно, что у грубого Маяковского, который выступал, как грубиян, вы почти не найдете этих пресловутых считанных точек. Он говорит во весь голос, и нет у него двойной линии употребления словарных норм — для широкой публики и для дома. И с этой стороны нам известен только один экспромт 1913 года, который попал в Собрание сочинений, но это ни в какое сравнение не идет с собранием сочинений Пушкина и «Тенью Баркова» или собранием сочинений Буало⁵³.

Но я не об этом говорю.

Когда говорится, что печатание писем Маяковского к Брик мельчит Маяковского, то оно мельчит в другом плане. Впечатление двусмысленное создается. Действительно очень неприятный тон предисловия Брик и особенно этой саморекламной фразой о духовном родстве, которая, конечно, не имеет достаточного основания. Здесь Маяковский выступает отнюдь не на судне, конечно, и, я б сказал, не в постели, он выступает немножко инфантильно и вместе с тем человечно. Такой биографический момент есть в какой-то степени, и в этом нет вреда. Он привлекает интерес тех читателей, которые, может быть, еще не дошли до того, чтобы серьезно и всесторонне воспринять Маяковского.

---

⁵² Первое издание дневников С.А. Толстой вышло в 1928–1936 гг. в четырех частях. Первые две части (записи 1862–1897 гг.) увидели свет в «Издательстве М. и С. Сабашниковых» в 1928 и 1929 гг. Третья часть (записи 1897–1909 гг.) была напечатана в издательстве «Север» в 1932 г. Четвертая часть (записи 1910 гг.) была издана «Советским писателем» в 1936 г. Подготовили издание Г.А. Волков, С.Л. Толстой и М.А. Цявловский.

⁵³ См. примеч. 29.

Нужно ли было публиковать эти письма? Я считаю, что в принципе нужно, но их надо было бы публиковать после смерти Людмилы [*так в стенограмме!*] Юрьевны. Дело не в самом факте опубликования писем, а в том, что письма публикует сам адресат. В этом основной вред. Но и сам адресат не понял, что получилось. Не мне принадлежат эти замечания и я не буду опубликовывать автора, поскольку услышал о них из третьих рук, но письма создают невыгодное впечатление об адресате. По этому поводу некто вспомнил такой исторический анекдот. Вдова Руссо обратилась к конвенту с просьбой о пенсии. Конвент, рассмотрев ее заявление, вынес решение отказать ввиду того, что просительница не дала счастья гению. Именно такое впечатление создается от чтения этих писем. Читая эти нежные записки одну за другой и чувствуешь нарастающее глубокое личное одиночество, тоску о большой человеческой любви, которой ему не хватало. Людмила Юрьевна на это не рассчитывала, она хотела опубликовать максимум нежных определений и только. Получилось другое, и личная сторона гибели Маяковского из этого во многом становится более понятной. Таким образом, с точки зрения нравственной цензуры (может быть, я более других развращен), я не вижу каких-то непреодолимых препятствий к публикации. Я думаю, что было бы очень печально, если бы такая холодная встреча этого тома и, в очень большой степени справедливая, критика по его адресу, задержали работу редакции над вторым томом. Я думаю, что наоборот, тот крен, который здесь получился, тем более обязывает редакцию выпустить второй том с расчетом на то, чтобы была дана более верная картина и чтобы Маяковский был дан не в пределах какого-то группового издания. Катанян, очевидно, основной консультант у Ильи Самойловича, поэтому и резкость нападок Колоскова. Тут еще элемент какой-то групповщины получился, но в Академии наук в этом не нужно разбираться.

Я считаю, что Академии наук не нужно впадать в панику, а нужно эту ошибку исправить и исправить очень активно. Нужно брать не только то, что лежит, а активно искать. Ни «Литературное наследство», ни Музей Маяковского, ни, к сожалению, и сектор Маяковского Института мировой литературы не ведут почти никакой систематической работы по выявлению и собиранию материалов о Маяковском. Я вполне понимаю, что нужно, конечно, позаботиться о наследстве, чтобы И.С. Зильберштейну было что в 1975 году опубликовать.

Давайте заботиться о том, чтобы не только в первую очередь отбирать то, что уже есть, но мы должны сейчас записывать, собирать то, что пойдет впрок. Нужно создавать запас прочности для этого здания. Вот это здесь недостаточно чувствуется. Нужно не только использовать то, что уже накопилось за эти годы, но и думать о том, что может быть сейчас организовано.

Можно, например, организовать, — и это возможно, — сделать сбор, может быть, мелких даже, слушательских впечатлений. Они разбросаны по провинциальным газетам, — отзывы людей, слушавших Маяковского в очень большом количестве. Можно пополнить имеющиеся воспоминания о Маяковском записью воспоминаний живых людей, литераторов, которые, будучи еще студентами, слушали Маяковского. И т. д. Получится драгоценный в целом материал, который, не будучи собранным, теряется⁵⁴. Вот этой активной работы редакции не хватает.

В заключение еще раз прошу извинить за сумбурный характер моего экспромтного выступления.

Тов. ЧЕРЕМИН⁵⁵

Я очень внимательно ознакомился с этим томом «Литературного наследства» и, работая сейчас, в меру своих скромных сил, по изучению Маяковского, лично для себя в этом томе почерпнул очень много.

Я считаю, что, когда ведется такое обсуждение с оценкой тома, так сказать, предопределяющее в известной мере судьбу второго тома, то это обсуждение должно быть максимально точным в обосновании тех или иных положений. В этом отношении на меня произвело, по правде говоря, даже грустное впечатление то, что сказал очень уважаемый мною крупнейший исследователь А.И. Метченко. Я думаю, что это объясняется некоторым полемическим задором, — об этом и сам Алексей Иванович говорил. Но он то же самое сказал, когда передавал мнение Л.И. Тимофеева об этом томе.

Я думаю так, что в этом томе подняты такие сложные вопросы, очень близкие нам, вопросы, связанные с нашей исторической действительностью, которые неизбежным делают обсуждение этого материала очень накаленным. Ведь все это понятно. Каждому из нас дорог Маяковский и каждому из нас хочется донести Маяковского в полном его блеске и полной его силе до читателя и показать действительно правдиво образ поэта.

Но тут вопрос чрезвычайно сложный. Когда мы говорим об этом томе «Литературного наследства», мы не можем говорить о нем отвлеченно от предшествующих публикаций, от того, как эти публикации велись, что уже было опубликовано, в каком плане публикуются исторические источники. Мы не можем от этого отказаться.

---

⁵⁴ Это фраза стала для самого В.Д. Дувакина судьбоносной: в 1967–1982 гг. он записывал воспоминания многих деятелей русской культуры XX века, в том числе современников и людей из ближайшего окружения Маяковского, собрав уникальный в своем роде звуковой мемуарный фонд.

⁵⁵ Черемин Георгий Сергеевич (1916–1993) — литературовед, критик, член Президиума АН СССР в 1949–1988 гг.

Мне хотелось бы вспомнить о материалах 40-х годов. Ведь тогда выпускался целый ряд сборников с воспоминаниями и с материалами в Ленинграде и Москве. Впервые шесть писем Маяковского к Брик появились в 1933 г. в альманахе, а здесь они появились на правах какой-то новации⁵⁶.

Когда мы посмотрим последовательность появления материалов о Маяковском, то многое станет нам понятно, в частности, почему в томе «Литературного наследства», если брать его в отвлечении от всего того, что написано и издано о Маяковском, получается известный крен. Алексей Иванович, конечно, прав, что если брать этот том изолированно от собрания сочинений Маяковского и всех публикаций о Маяковском, то получается несколько одностороннее впечатление.

Но как этого можно было избежать с теми материалами, которые только сейчас изданы или, может быть, были известны и раньше, но не были доступны и известны широкому читателю и понадобилось их опубликовать? Что тут надо было сделать? Совершенно прав В.Д. Дувакин, когда говорит, что нужно организовать очень широкие поиски материалов о Маяковском и прежде всего того характера, который показывает Маяковского как трибуна, выступающего с массами и перед массами и несущего им слова о революции. Это совершенно верно, но поскольку таких широких поисков нет, в распоряжении редакции «Литературного наследства» оказался такой материал. Практически что с ним надо было сделать? Отложить и не печатать? По-моему, нет, печатать нужно, тут речь может идти о комментировании в широком историческом плане, чтобы было видно, какое место занимает данный материал в том, что нам известно о Маяковском, и во всем наследстве Маяковского. Тут, вероятно, и есть вина редакции «Литературного наследства», что она в таком широком плане не сумела подать этот материал, отчего он и приобрел известную односторонность прежде всего в его подборе.

Я говорил с самого начала о конкретности. Мы судим об определенных статьях, об определенных публикациях. С этой точки зрения я согласен с выступавшими до меня товарищами в отношении печатания 14 выступлений Маяковского. Конечно, таким эрудированным исследователям, как Алексею Ивановичу и Виктору Дмитриевичу многое известно такого, что неизвестно широкому кругу и даже молодым научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам, т. е. тому кругу, которому, очевидно, адресовано «Литературное наследство». Так что, что новое совсем, что новое не совсем, что забытое, что может быть цитировано частично — редакция «Литературного наследства» должна была точно оговорить. Упущение редакции в том, что она этого не сделала.

---

⁵⁶ См. примеч. 39.

Это относится и к эпистолярному наследству. Это, конечно, надо было.

Сегодня говорили об этих письмах к Брик, но не говорили, что в этом томе опубликованы и еще письма Маяковского к разным лицам. Эти письма были уже опубликованы раньше и в таком авторитетном издании, как «Литературное наследство», надо было сразу указать на этот факт и когда они были опубликованы, чтобы не создавать впечатления сенсационности.

Тов. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН
Это указано.

Тов. ЧЕРЕМИН
Не везде указано.

Я считаю, что ленинские документы, которые здесь воспроизведены, — это очень большое дело.

Я лично считаю, что статья Е.И. Наумова — статья хорошая, правильная по своим установкам. Это статья, очень умело собравшая все, что нам интересно. Тут новации, действительно, очень мало, но это есть такой сводный материал по очень важному и ответственному вопросу, сделанный, на мой взгляд, очень квалифицированно⁵⁷.

Но здесь тоже произошла досадная очень вещь. Тут есть одна из записок, в которой сказано, что она адресована Луначарскому, — это неверно. Институт марксизма-ленинизма, с которым я связался по этому вопросу (который меня заинтересовал, потому что мне сразу казалось, что это не так, что она не могла быть адресована Луначарскому, — по характеру документа) мне сообщил, что после долгих обсуждений и обследований этого вопроса сейчас Институт марксизма-ленинизма твердо уверен, что эта вторая записка адресована Покровскому⁵⁸.

Могла ли редакция «Литературного наследства» учесть это дело? Вообще могла бы, если бы знала о том, что это очень сложный вопрос и что он неясен.

Кстати, когда Алексей Иванович публиковал [статью] в «Коммунисте», там не был указан адресат⁵⁹. И правильно было сделано,

---

⁵⁷ См. примеч. 11.

⁵⁸ См. след. примеч.

⁵⁹ Речь идет о следующей статье: *Метченко А.И.* Против субъективистских измышлений о творчестве Маяковского // *Коммунист.* 1957. № 18. С. 69–82. В статье (по тексту подготовленного к печати в ИМЛ при ЦК КПСС ленинского сборника) впервые были опубликованы две записки Ленина от 6 мая 1921 года, одна из которых адресована Покровскому, а адресат другой не установлен. В первой из них содержался такой отзыв о поэме «150 000 000»: «Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность». Завершалась же она следующим

что не указано, потому что тогда не было достаточной ясности. Здесь надо было эту ясность внести. Это я считаю крупной ошибкой, которую нужно исправить в следующем томе, — насчет этого письма Ленина.

Говоря о материалах тома, я согласен с предшествующими товарищами, что очень большую ценность представляет работа т. Земскова. Мне она очень нравится. Я высоко оцениваю статью т. Паперного. Это блестящая работа, на мой взгляд. Основным достоинством ее является то, что текстологический анализ в ней органически связан с анализом проблемным. Такая методика привела к очень хорошему результату.

Но том вообще нуждается в серьезной, квалифицированной и хорошей, очень точной и конкретной критике.

Том этот очень легко ругать, что мы и видели, например, в легковесной и не совсем добросовестной статье в «Литературе и жизни»⁶⁰. Легко зацепиться в нем за разные мелочи и на этом основании сделать очень страшные выводы. Но задача не в этом заключается, а в том, чтобы объективно рассмотреть, что в этом томе правильно и что неправильно.

У меня статья товарища [В.А. Арутчевой] не вызывает очень положительного отношения⁶¹, как определил Дмитрий Дмитриевич. Мне представляется она очень эмпирической и немножечко сумбурной, хотя по ряду наблюдений я считаю, что нужно было сделать их гораздо глубже. Если возвращаться к вопросу о записных книжках в связи с изучением творчества Маяковского, то статья эта выглядит как бы педагогичной, — в ней есть ценные наблюдения, но я не могу считать эту статью одной из лучших статей этого тома.

образом: «Луначарского сечь за футуризм». Во второй записке содержался такой выпад против футуристов: «Не больше 2-х раз в год печатать этих футуристов и не более 1500 экз.». Осуждая якобы ревизионистские публикации в зарубежной печати, в частности, в польской, Метченко писал: «“Новый Маяковский” это-де Маяковский, освобожденный от догматического истолкования, порожденного известным отзывом Сталина. Чем же не устраивает инициаторов нового истолкования Маяковского этот отзыв и работы советских критиков о поэте, написанные за последние 20 лет [...] Не пытаюсь ни в малейшей степени исследовать факты, они с потрясающей легкостью зачисляют крупнейшего революционного поэта XX века в лагерь модернизма. Апофеозом идеологической ограниченности рецензента можно назвать следующую фразу: «...авторитет Ленина используется ими для того, чтобы протащить антиленинскую идею о независимости искусства от партии и государства». На публикации, осуществленные Р.О. Якобсоном (см. примеч. 35), он откликнулся так: «Любая попытка превратить великого поэта в “кучерявого лирика” с кругозором двухспальной кровати наталкивается на гневный отпор со стороны самого поэта» (С. 69, 71, 82).

⁶⁰ См. примеч. 8.

⁶¹ Статья В.А. Арутчевой. См. примеч. 11.

Что касается заметки Харджиева, то, конечно, это полуфабрикат, это очень сырой материал, в котором есть оригинальные мысли. Я не могу сказать, что нужно целиком поставить крест на статье Харджиева, там есть вещи, которые могут быть использованы. Я не считаю необходимым ее отметить, но что касается публикации, надо было предложить автору поработать над этими записками и довести их до такого состояния, чтобы они действительно были на должном уровне.

У меня вызывает большое сомнение статья тов. Динерштейна, помещенная в томе. Я не хочу обвинять автора, автор просто увлекся новыми материалами, не очень важными и значительными, но все-таки новыми, которые он раскопал в архивах, увлекся и дал необоснованные выводы. Я не буду приводить полностью необоснованные вещи, остановлюсь только на одной, где Динерштейн пытается доказать, что прямое свидетельство Маяковского в его автобиографии об уходе в августе из «Новой жизни» не подтверждается. «Факт тот, что фамилия Маяковского фигурирует до октября 1917 года. Это опровергает Маяковский. То ли Маяковский забыл, то ли неискренне об этом сказал, поскольку известно направление этой газеты, ее линия, в особенности ближе к Октябрьской революции». Но это, конечно, совершенно неверно. Я провел известную исследовательскую работу в этом направлении и пришел к выводу на основании очень тщательного изучения «Новой жизни», что Маяковский здесь был прав и что Динерштейн безосновательно сделал такой вывод.

И вопрос менее значительный о службе Маяковского в военно-автомобильной школе. Динерштейн, мне кажется, тоже очень криливо и поспешно опроверг то свидетельство, которое привел Виктор Иосифович, и, по-моему, Виктор Иосифович, вы поспешно согласились с Динерштейном, потому что если посмотреть большевистскую прессу того времени, то можно убедиться исчерпывающе ясно в том, что тут Динерштейн неправ, что те документы, которые он привел, носят односторонний характер, что есть целый ряд свидетельств в газетах «Правда» и «Солдат», где достаточно ясно видно, что большевистское влияние в военно-автомобильной школе было достаточно сильно, и позиция военно-автомобильной школы в октябрьские дни, когда она выступила против временного правительства, говорит совершенно ясно, что в данном случае Динерштейн неправ⁶².

В.И. ПЕРЦОВ

Маяковского там не было.

---

⁶² Динерштейн Е.А. Маяковский в феврале–октябре 1917 г. — В ряду других документов в статье был опубликован приказ об увольнении Маяковского из 1-ой запасной автомобильной роты от 30 октября 1917 г.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Но Динерштейн пишет, что школа заняла реакционную позицию, и Маяковский оттуда ушел.

Перехожу к этим злосчастным письмам, которые вызывают недоумение у людей неосведомленных. Мне приходилось беседовать и в Президиуме Академии наук со многими товарищами не специалистами, которые высказывают недоумение, почему появились эти письма, почему все это публикуется в серьезном академическом издании.

Вопрос действительно очень сложный. Некоторые товарищи предъявляют к Маяковскому такое требование: мол, снижает его образ то, что он в личной переписке не касался больших общественных, теоретических и проч. вопросов, которые мы видим в переписке других писателей.

Тут уже претензии к самому Маяковскому: почему он в эпистолярной форме не считал нужным об этом писать?

Посмотрим по существу. Есть ли в этих письмах что-нибудь, что объективно ценно? Я отмечаю все личные перипетии взаимоотношений с Брик, — это не имеет отношения к литературе. Я очень внимательно прочел их еще раз перед нашим обсуждением и, объективно подходу, пришел к выводу, что в них содержится очень много фактического чисто материала различного характера, касающегося поездок Маяковского и касающегося создания им некоторых вещей. Имеются, правда, очень конспективно, отрывочно, и его выступления, его впечатления от заграницы, очень много сведений, которые, конечно, не только для исследователей творчества Маяковского, но и для того круга людей, которые заинтересованы литературным наследством, представляют интерес. Надо только отвлечься от того, что имеет сугубо личный характер и обращать внимание на то, что здесь объективно важно: иногда очень маленькие отдельные черточки, которые позволяют восстановить биографические данные о Маяковском, данные о процессе создания им некоторых произведений, об их исполнении и т. д.

Конечно, ошибкой редакции «Литературного наследства» (я об этом говорил товарищам по редакции еще раньше) явилось то, что они не предпослали этой публикации обстоятельной статьи, где было бы показано, ради чего и почему публикуются эти письма. А насчет всяких игривых, личных, интимных всяких прозвищ, домашних кличек и т.п., то тут уже назывались письма Чехова. Я еще раз просмотрел опубликованные письма Чехова к ныне здравствующей О.Л. Книппер. Я просмотрел XII том сочинений Чехова издания Гослитиздата 400-тысячным тиражом, т.е. в двадцать раз превышающим тираж «Литературного наследства»⁶³. Я выписал оттуда неко-

---

⁶³ Отдельным изданием переписка А.П. Чехова с О.Л. Книппер выходила в 1934–1936 гг. в трех томах под редакцией и с примечаниями А.Б. Дермана в

торые цитаты, которые буквально напоминают то, что писал в своих письмах к Брик Маяковский (С МЕСТА. Даже стилистически совпадает.) Да, очень любопытно. Может быть, Виктор Владимирович, привести некоторые примеры. Например: (цитата) «Обнимаю ..... лошадку, кормлю самым лучшим овсом»⁶⁴. И т. д.

Но никого это не шокирует.

С МЕСТА

Шокировало!

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Не закончена эта переписка.

Тов. ЧЕРЕМИН

В печати никаких бичующих рецензий я не знаю. Может быть, я не специалист по Чехову, но никаких суровых слов в адрес этого издания сказано не было.

Я заканчиваю свое немножко затянувшееся выступление. Алексей Иванович, я волей-неволей вступаю с вами в полемику. Вы, по моему, оговорились, когда сказали, что Якобсон, опубликовавший куски из писем Яковлевой, был академически точен и добросовестен с чисто фактической стороны, что дело только в нарочитом подборе фактов. Алексей Иванович, это не так.

В.Д. ДУВАКИН

Одновременно он не знает многих фактов.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Не то, что не знает, он сознательно, самым подлым образом извращает факты. В своей рецензии в «Вопросах литературы» я привел только часть этих извращений⁶⁵. Прямо ловишь за руку этого

московском издательстве «Мир». В Собрании сочинений Чехова в 12 томах (ГИХЛ, 1955–1957) заключительный том составили письма Чехова 1893–1904 гг.

⁶⁴ Неточная цитата из письма А.П. Чехова к О.Л. Книппер-Чеховой от 27 сентября 1903 г.: «Ну, лошадка, глажу тебя, чищу, кормлю самым лучшим овсом и целую в лоб и в шейку».

⁶⁵ Речь идет о рецензии: *Черемин Г.* Нью-Йоркский сборник материалов по истории русской литературы // Вопросы литературы. 1957. № 8. С. 248–254. См. также примеч. 35. В этой рецензии, содержащей совершенно неаргументированную и несостоятельную критику публикаций Якобсона, в частности, говорилось: «В творчестве поэта, по утверждению автора статьи, происходит постоянная борьба “лирики сердца”, “любовной”, “личной”, “настоящей”, как ее именует Р. Якобсон, лирики против будто бы подавляющего ее общественного гражданского начала. Своей аргументацией... Р. Якобсон стремится подвести читателя к выводу о том, что истинным поэтом Маяковский становился

человека, называющего себя исследователем. Он передергивает, дает неправильные цитаты, подтасовывает, т. е. это целый калейдоскоп всевозможных извращений, и когда вы говорите о «Литературном наследстве», упоминать об имени Яковсона даже не хорошо. В «Литературном наследстве» есть ошибки, — я говорю, Динерштейн увлекся какими-то вещами, — но вся направленность этого тома — на выявление истины, и редакция всячески руководствовалась этим. Она могла допустить отдельные ошибки, отдельные неточности, но весь пафос этого тома — я его лично так воспринимаю — направлен на установление подлинной исторической истины. Там получились, может быть, какие-то непропорциональные части в отношении публикации, когда публикуются одни документы и не публикуются другие, но все же мы не можем говорить, что редакция не опубликовала какие-то документы, которые уравновешивали бы эти материалы и статьи, где говорится об ошибках и заблуждениях. Надо было в широкой исторической перспективе их показать, соответствующим образом их прокомментировать, и тогда они имели бы полное право на существование.

В.Р. ЩЕРБИНА⁶⁶

У меня вопрос к редакции «Литературного наследства»: верно ли, что во втором томе предполагается публикация писем Маяковского к Яковлевой и другим с комментариями Яковсона, — будто бы это делается по его требованию, а самое главное, что он пересматривает свои позиции в этих комментариях?⁶⁷

только тогда, когда в нем побеждала “стихия лиризма”, все остальное время он якобы таковым не являлся, а был занят выполнением “социального заказа”, — не в том высоком гражданском смысле, который придавал этому термину сам Маяковский, а так как принято понимать заказ в буржуазном мире... неразрывная органическая связь личного с общественным у Маяковского с наибольшей силой выявилась как раз в его поздней лирике, в том числе в произведениях на любовную тему, которые автор неправомерно противопоставляет его политической поэзии [...] “Комментарий...” Р. Яковсона имеет совершенно явную тенденцию: отвлечься от идейного содержания творчества Маяковского, реально существующей системы образов и эмоционального строя его произведений» (С. 249, 254).

⁶⁶ Щербина Владимир Родионович (1908–1989) — заместитель директора по науке в 1953–1988 гг., и.о. директора ИМЛИ в 1966–1968 и 1974–1975 гг., главный редактор ЛН в 1967–1989 гг.

⁶⁷ Публикация материалов, связанных с Т. Яковлевой и находящихся в ее личном архиве, а также личное авторское участие, ее и Р.О. Яковсона, планировались в работе уже над первым томом, еще на стадии подбора материалов. Об этом свидетельствует переписка между Яковсоном и редакцией «ЛН», относящаяся к 1956 г. В письме от 31 августа Зильберштейн писал: «Очень рад, что Татьяна Яковлева разрешила опубликовать большую часть писем и телеграмм Маяковского к ней. Было бы хорошо, если бы она сама написала не-

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Этот вопрос касается второго тома. Он не обсуждался на редакционной коллегии, так что если эти переговоры велись, то вне редакционной коллегии.

В.И. ПЕРЦОВ

Я познакомился, когда шел на это заседание, с проектом резолюции. Исходя из прений, которые здесь были, и из того, что здесь предлагается и что нашло отражение в[о] вступительном слове Степана Григорьевича, я хотел бы призвать товарищей к тому, чтобы к вопросу о томе о Маяковском подойти несколько шире, потому что это вопрос о публикации советской литературы, как это написано в предисловии, и тут надо быть чрезвычайно точными.

Мне кажется, что найти меру в определении значения этого тома и его сильных сторон и недостатков чрезвычайно важно не только для последующего, для продолжения работы над вторым томом, но и в отношении того, как нам быть с работой по публикации наших современников.

И мне очень не хотелось бы, товарищи, чтобы та статья, которая была опубликована в газете «Литература и жизнь» и о которой справедливо сказал Алексей Иванович, что она является толчком к разговорам, чтобы она оставалась без разъяснения. Читатели недоумевают, и многие читатели, и правильно недоумевают. Было выступление на учредительном съезде российских писателей товарища Закруткина⁶⁸.

большую вступительную заметку о своей дружбе с Маяковским, и эту заметку мы дали бы в качестве одного из предисловий к публикации. А второе предисловие было бы написано Вами. Нет ли у Яковлевой фотографии, на которой она изображена вместе с Маяковским? Мы могли бы фотографию эту воспроизвести. Очень просим прислать фотографии надписей Маяковского на книгах, подаренных Яковлевой, а также его автошаржей. Свои воспоминания о Маяковском обязательно пришлите. Нет ли фотографий, на которых Вы изображены с Маяковским? Если да, обязательно пришлите. Пришлите также фотографии дарственных надписей Маяковского на книгах подаренных Вам». 4 декабря Якобсон писал С.А. Макашину: «Только что получил письмо от Л.Ю. Брик, которая спрашивает меня, что с моими материалами для тома Л.Н., посвященного Маяковскому. Между тем, я уже в октябре послал Илье Самойловичу Зильберштейну рукопись публикации “Владимир Маяковский Татьяна Яковлевой”, куда вошли, кроме стихотворного письма Яковлевой, надписи в стихах при посылке цветов и книг и свыше 30 писем и телеграмм с моими комментариями и примечаниями. Я просил его подтвердить получение, но до сих пор не слышал от него ни об этой заказной посылке, ни о томе Русского Литературного Архива, который я тоже ему выслал» (РГАЛИ. Ф. 603. Оп. 5. Ед. хр. 17. Л. 5, 2).

⁶⁸ Первый Учредительный съезд писателей Российской Федерации прошел с 7 по 13 декабря 1958 г. Закруткин Виталий Александрович (1908–1984) —

Какие-то протесты были в той или иной степени обоснованные, и эта статья Колоскова и Воронцова является как бы оформлением этих выступлений.

Конечно, эта статья не объективна, несмотря на то, что там есть очень правильные замечания. Но здесь есть определенные группы, которые объединяются, может быть, сначала по каким-то принципиальным разногласиям, а затем держатся вместе из-за заинтересованности в одобрении своих соратников и из-за желания ухудшения положения тех, которые стоят не на их позиции.

Действительно была правильно отмечена полезная работа Земскова. Вы помните эти имена. Я имею в виду людей, которые проявляли инициативу, — это люди, довольно широко известные. Они публиковались. Я, например, был далеко не первым, хотя по хронологии раньше подошел к попытке осмысления этих фактов, но был далеко не первый. В журнале «Каторга и ссылка» старый большевик Лурье опубликовал эти материалы⁶⁹. Это хорошо. Я не хочу уменьшать полезность этого дела, но я, как человек, который занимался этим материалом много лет тому назад, когда встретился с публикацией Земскова, был доволен, что это сделано. Я нашел здесь некоторые детали, которые интересны в отношении факта участия молодого, юноши Маяковского в революционном движении, которые известны мне были и раньше.

В общем, это хорошая работа. Но нельзя похвалить ее одну и не сказать, что в томе есть хорошие статьи и Паперного и Катаняна. Я столько спорил с Катаняном, что мог бы сейчас воспользоваться и ухудшить его положение. Но все-таки это было дело полезное. Двадцать лет тому назад ему не хватало силы мысли, чтобы понять значение этих фактов и связать это со стилем. Но если мы с

писатель, секретарь правления Союза писателей РСФСР. Приводим фрагмент из стенограммы его выступления на съезде, состоявшегося 11 декабря: «...совсем недавно вышел внушительный научный труд, посвященный Маяковскому, в котором наряду с полезными изысканиями и статьями помещены публикации, не приносящие, мягко выражаясь, никакой пользы, а скорее даже наоборот. (Аплодисменты). Нет, ни один день, ни на один час не должны мы ослаблять наше пристальное внимание к этим вопросам, мы не можем и не должны поощрять здесь либерализм и попустительство» (Первый Учредительный съезд писателей Российской Федерации (7–13 декабря 1958 года). Стенографический отчет. М., 1959. С. 455).

⁶⁹ Лурье Г.И. К биографии Маяковского (По архивным материалам) // Каторга и ссылка. 1931. № 4. С. 68–84. Лурье Григорий Исаакович (1878–1938, расстрелян) — публицист, революционер, член ЦК Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза). В статье на основании дел Отделения по охранению общественной безопасности и порядка 1908, 1909, 1915 гг., а также производства Московского окружного суда 1909 г., рассказывалось об участии Маяковского в деятельности революционного подполья, в частности — в работе Московского отделения Социал-демократической рабочей партии.

этой точки зрения будем относиться к нашим работам и хулить их за то, чего в них нет и говорить, что это недостаток, тогда мы останемся только с наукой о литературе, но останемся без литературы, потому что таких недостатков в литературе очень много.

Конечно, товарищи, работа, связанная с Маяковским, с непосредственными высказываниями его, с высказываниями о нем, которые были в газообразном состоянии — такие высказывания не существуют. Где они зафиксированы? Это была громадная работа.

Почему нам сейчас, в наших общественных условиях, которые заставляют нас быть очень требовательными к самим себе, — зачем нам ухудшать результат нашей работы общей?

Так что эта статья необъективна, — она себя выдала. Если бы я хотел быть гробовщиком, если бы я подрядился это сделать, я бы это сделал. Не поймите это как комплимент, но я бы сделал так: я бы похвалил — и никто ничего не мог бы сказать, а затем перо вставил бы...

Но хочется мне, чтобы эта статья послужила основой для обсуждения этой громадной работы такого большого коллектива, увлеченного, серьезного. И как вы не хотите этого, если есть в этой статье субъективные моменты, то они не отделяются от общей традиции «Литературного наследия».

Такое ощущение получается у пристрастного в хорошем смысле читателя от политического разбора высказываний Маяковского. Здесь Алексей Иванович употребил выражение, что сосредоточен выработанный материал. Но что делать? И в предшествующем собрании сочинений в силу разных причин — общественных и отношений тех лиц, которые были составителями томов, не помещались некоторые материалы, невыгодные для Маяковского. В общем плане его громадного движения и того вклада, который он сделал в советскую культуру, это выглядит таким второстепенным, что этого вклада не снижает. Такова жизнь, таково развитие большого художника, который говорил первое слово тогда, когда новое общество не имело еще никаких гарантий, что оно удержится. Ленин в те годы, когда Маяковский впервые выступил, говорил, что если мы не удержимся, мы можем все это дело завалить⁷⁰. Но у Маяковского были разные моменты, и они не характерны для всего направления движения, для этой действительно благородной, героической фигуры. Тем не менее они были, и мы сейчас, когда мы смотрим так широко, мы можем показать предшествующую эпоху такой, какой она была, как она ни уменьшается в пропорциональном свете того, что нам предстоит, в свете семилетнего плана⁷¹, какими по

⁷⁰ Источник цитаты не установлен.

⁷¹ Семилетний план развития народного хозяйства (1959–1965), представлявший собой расширенный 6-й пятилетний план (принят в 1956 г.), был при-

масштабу являются тяжелые годы, которые мы с вами пережили и были уже сознательными людьми. Все это пропорционально уменьшается и занимает свое место в истории. Поэтому мы не должны бояться, мы должны показывать, как рождалось это новое, как возникал новый строй, в каких муках, в каких противоречиях и страданиях. А что на Западе будут использовать, мы должны быть к этому готовы, а вообще, попросту говоря, нам на многое начхать. Как это говорится, собака лает...

Товарищи беспокоятся, что если опубликовать те или другие слабые стороны высказываний Маяковского, то их подхватят ревизионисты. Да они все равно будут подхватывать. В последнем номере «Lettres Françaises» я прочитал статью Эльзы Триоле «“Клоп” Бальзака, а не “Клоп” Маяковского». Французский режиссер Бальзак поставил «Клоп», причем он реабилитирует Присыпкина. Присыпкин у него симпатичный человек⁷².

Но во всяком случае там есть и такие люди, как какой-то Ни....., который в восторге от Присыпкина в «Клопе», т.е. от того, против чего борется Маяковский, как враг мещанства⁷³. Может быть, плохо переведен там текст Маяковского. Но почему? Мы знаем, что там они делают из наших писателей, из кинокартин. Например, у картины «Броненосец Потемкин» они отрезали конец и в конце пишут, что вот так поступают с правительством, которое плохо кормит матросов.

Так что мы должны быть очень бдительны и не давать им возможности обмануть наши массы через нас. Этого нельзя давать.

Но бояться этого мы не должны — это нам никак не пристало.

Я думаю, что сейчас у редакции «Литературного наследства» подобрался такой материал, который показывает Маяковского — его сильные и слабые стороны.

Возьмите интереснейшую стенограмму, которая до сих пор не была опубликована, стенограмму диспута на тему «Первые камни новой культуры». Я нигде не встречал того спора Маяковского с Луначарским, где Маяковский выступает против освоения наследия старой культуры. В стенограмме приведены речь Луначарского и ответ Маяковского. Ведь Маяковский Луначарского на обе лопат-

---

нят на XXI Съезде КПСС в 1959 г.

⁷² Упоминается французский режиссер русского происхождения Андре Барсак (André Barsacq; 1909–1973), осуществивший постановку пьесы Маяковского в январе 1959 г. в парижском театре «Ателье», которым он руководил в 1940–1973 гг. Триоле откликнулась на эту постановку рецензией: *Triole E.* «La Punaise» de Maïakovski n'est pas «La Punaise» de Barsacq // *Les Lettres Françaises*. 1959. 29 janv.–4 févr. (См.: *Брик Л.* — *Триоле Э.* Неизданная переписка (1921–1970) / Сост., вступ. статья В.В. Катаняна, коммент. И.И. Аброскиной, И.Ю. Генс. М.: Эллис Лак, 2000. С. 265, 283).

⁷³ О ком идет речь, установить не удалось.

ки кладет⁷⁴. И как видно, Маяковский отступает, потому что это для него не очень органично. Это то поверхностное, что с него быстрее сходит, чем с людей, которые были около него. Даже получается, что этот материал не очень выигрышный в этом смысле: по этому одному материалу нельзя составить биографию Маяковского. Но это другая совершенно задача.

Дальше я бы обвинил, если позволено это слово, упрекнул бы товарищей, что недостаточно обработан текст редакционно. К сожалению, это действительно не сделано. Нужно было сделать это более внимательно. Но все равно это не спасло бы от тех, которые хотят перевернуть, когда они переводят произведения и предисловие, — но предисловие обычно не читается, а произведение читается. Но это научная публикация, и это здесь требуется сделать.

Так что я считаю, что в целом я присоединяюсь к Г.С. Черемину. Я считаю, что это ценная работа, за которую не только не будет краснеть «Литературное наследство», но которая поставлена будет

---

⁷⁴ Доклад «Первые камни новой культуры» был прочитан А.В. Луначарским на диспуте, состоявшемся 9 февраля 1925 г. в Экспериментальном театре. В прениях по докладу последним выступил Маяковский. Он в своем выступлении сказал, в частности, следующее: «...из вполне верных предпосылок у товарища Анатолия Васильевича, на мой взгляд, начинается колоссальная неразбериха и полное умственное неправдоподобие выставляемых им положений. Эта неразбериха, на мой взгляд, вытекает, главным образом, из путания по-старому даже не в трех соснах, а в двух соснах — в этих соснах формы и содержания. По товарищу Луначарскому получается так — точная его формулировка: трели приходится пускать, когда нечего сказать. Очевидно, Анатолий Васильевич предполагает, что если бы у Неждановой вместе с оперным репертуаром были бы хорошие сведения по радио-телеграфии, то ей нечего было бы заниматься этим талантом. И в свою очередь, когда товарищ Стеклов не обнаружит больше у себя запаса тем, он сразу перейдет на мягкое меццо-сопрано [...] Если бы я стал на точку зрения Анатолия Васильевича, что действительно дельных людей партия не может отпустить на дело искусства, правда, дальше идет оговорка — но он должен хотя бы размерами своих произведений доказать, что он вправе вырвать себя из этой общественной работы, [то] до тех пор по вопросу об искусстве я совершенно не могу разговаривать и даже позорным для себя считаю вообще звание художника. Если это действительно такая вещь, которая только для развлечения дается и требуется только от тех работников, которые ничего другого дать не могут, так не лучше ли над этой белибердой — искусством — поставить крест. Нет, товарищи, с таким подходом можно подойти только к старенькому искусству, в котором нет никаких отзвуков, никакого соприкосновения с той гигантской борьбой, которую поднял рабочий класс, и не первый и не последний день должен это трубить, и знамена должны развеиваться над атакующими толпами» (*Маяковский В.В.* Выступления на диспуте «Первые камни новой культуры» 9 февраля 1925 г. / Публ. Л.М. Розенблум // *Литературное Наследство*. Т. 65: Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 24–25).

в ряду других ценных работ. Но нужно было дать более внимательную редакционную обработку.

Перехожу к основному вопросу, который вызывает наибольшие споры, — это насчет того, нужно ли публиковать письма к Л.Ю. Брик.

Отдельные письма, имеющие большое литературное значение, раньше публиковались в разных изданиях, преимущественно академических. Это было давно — в томе Собрания сочинений, которое закончилось, когда происходил переход от одной редакции к другой. Мы пытались опубликовать эти письма раньше, но нам посоветовали этого не делать.

Прошло очень много времени, действительно обстановка очень изменилась, и возникла возможность опубликовать эти письма в собрании сочинений. Я тут тоже должен полемизировать со Степаном Григорьевичем о том, что оставлять на долю потомков и что давать возможность знать современникам. При всех замечаниях, которые я хочу сейчас сделать, я все-таки благодарен как современник (может быть, вы скажете, что это очень личный поход), что имею возможность в своей работе пользоваться и этим материалом, благодарен как современник, что это опубликовано.

Действительно, если бы не было такой полноты в этих письмах, если бы десяток-другой снять, потому что они вызывают недоумение, не было бы такой реакции и недоумения у читателей, тогда с этой стороны нападков не было бы.

Конечно, очень серьезно то, что сказал Виктор Владимирович, в чем его поддержал и Дмитрий Дмитриевич. Тут великий лингвист и великий историк литературы нам говорят, что не нужно печатать. Я вспоминаю, что Переверзев в молодые годы говорил, что историк литературы не должен замыкаться в пределах художественных произведений и думать, что эпистолярное наследие не имеет отношения к художественному творчеству.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Я имею в виду все то, что относится к бытовой стороне, а не к широкой общественно-политической.

В.И. ПЕРЦОВ

Я думаю, что при всей специфике, которую мы все с вами прекрасно понимаем, хотя не до конца, может быть, исследовательски и дошли, для нас важно это своеобразие использования слова в разговорной речи, в коммуникативной его функции и в плане художественном. Но тут стены все-таки нет, и из разговоров, из быта, общения поэта, из участия его в общественной жизни нужно найти какие-то законы. Но мне кажется, что Виктор Владимирович сказал это в пределах своей науки, что ему как большому ученому это не

нужно. Это я могу понять, но сказать, что для нас, историков литературы, которое понимают, что слово есть первый элемент, но это все-таки один из элементов, из него одного не построишь художественного образа, сказать, что для нас это не имеет значения, будет неверно. Мне представляется, что этот материал имеет большое значение для нас, как для работников этой чрезвычайно сложной дисциплины — науки о литературе, это очень много дает для раскрытия образа поэта, для понимания, как он в тьму филологии ..... лазил⁷⁵ непосредственно в жизнь. Провести грань между словотворчеством, между работой над словом как специальной художественной функцией и бытовой ролью слова все-таки очень трудно.

Поэтому я считаю, что такого рода материал нужен и важен, и мне было интересно послушать, что говорит более молодой исследователь — Георгий Сергеевич, который по возрасту своему не знает того, что знают люди моего поколения, но он многое в этих письмах почерпнул для своей работы.

Значит это совершенно неоспоримо, речь идет о том, что тут допущена некоторая фетишизация, что нужно было произвести отбор.

Кстати сказать, с этим ко мне обращались многие заинтересованные читатели — неожиданно более широкий круг специалистов совсем других областей. Мне приходилось встречаться на отдыхе с учеными других специальностей из области науки о природе. Они всеми этими вопросами интересуются и спрашивали меня насчет этих писем и пр.

Я говорил, что эти письма не дают представления о реальной связи между адресатом и поэтом. Ведь Л.Ю. Брик не учла этого. Маяковскому эпистолярная форма общения была не свойственна. Горький был все-таки человеком, который вырос из XIX в., он творчески писал свои замечательные письма. Маяковскому эпистолярная форма общения не была свойственна. Поэтому трудно по эпистолярному наследию Маяковского составить представление о его духовном мире. Если даже отбросить то, что это адресовано любимой женщине, все равно нельзя составить представление о его духовном облике. Эти связи его глубже.

Я могу сказать об этом, как человек, который был в этом кругу. Конечно, это была неудачная фраза в предисловии Л.Ю. Брик, — и она вызвала законный протест.

Но у ней была и другая фраза о том, что Маяковский не спорил о философии в письмах. В такой негативной форме эта фраза не помогла бы, а должна быть позитивная форма.

---

⁷⁵ Цитата из стихотворения Маяковского «Нашему юношеству» (1927): «Ищите свой корень и свой глагол, во тьму филологии влазьте».

Я считаю в целом положительным фактом публикацию этих писем, но так как здесь была недостаточна работа редакции и есть излишек, то я бы попросил при составлении резолюции найти очень точную меру наших возражений и в то же самое время оставить более широкий предел для тех, кто держится других мнений использования такого рода материала, потому что иначе вы нам закроете возможность исследования. Так что я просил бы в резолюции более точную меру найти.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

До перерыва просит слова В.Р. Щербина.

В.Р. ЩЕРБИНА

Я буду очень краток. Мы имеем здесь дело с очень несложным фактом. Вышел 65-й том «Литературного наследства», посвященный советской литературе. Это первый том, посвященный советской литературе, поэтому было бы очень желательно на сегодняшнем обсуждении поставить какой-то барьер, который должен быть воспринят всеми издателями. Тема эта очень горячая, и вы будете регулярно ее поднимать. Нужно, чтобы наше обсуждение не оставило такого следа. Но это не значит, что обсуждение не должно быть серьезным.

Я считаю, что в томе есть разный материал — есть интересный, есть спорный, есть тенденциозный, но все-таки центральное явление тома, которое вызвало настоящее обсуждение, если говорить вполне откровенно, это, конечно, письма Маяковского к Брик. Почему центральное? Потому что этот тип литературного наследия предлагают как основной материал. Рабочий или не рабочий, но этот материал является сутью издания. Я только скажу об отношении к данному материалу.

Первый вопрос — нужно ли публиковать такого рода биографические материалы. Здесь была изложена Виктором Владимировичем та точка зрения, что публиковать не нужно. Если рассматривать эти материалы как чисто бытовые, то, конечно, публиковать их не нужно. Но, к сожалению, большей частью у многих художников бытовое переплетается обычно с их творчеством. Часто бытовой мотив письма является очень существенным для понимания творческих замыслов, творческих исканий художника. Если брать письма к Брик, то в них кое-что есть для понимания работы «Про это». Но если статья на такую позицию, имеют ли эти материалы биографическую ценность, то, на мой взгляд, очень малую. Почему? Вследствие однобокого, рекламного подбора. Виктор Иосифович вполне прав — гораздо сложнее были отношения, были конфликты и проч., а письма подобраны таким образом, что мы видим картину сплошной идиллии, были небольшие размолвки, на почве

тоски вырастают некоторые трения. Понятно, что наследники всегда стараются подобрать то, что им выгодно. Мы не можем их контролировать, не можем заставить. Можно ли воздержаться от публикации полностью или опубликовать с определенным отношением, очень тактично выраженным к тому, кто публикует. Вся беда в том, что отношения с Брик не поставлены в ряд с подобного рода отношениями, а взяты изолированно. Поэтому письма не дают никакого ответа на вопрос, что же такое происходило между Брик и Маяковским. Встает этот очень острый вопрос, который интересует всех, — что чувствовал Маяковский, и эта подборка абсолютно ничего не дает. Получается однобокое, искаженное, рекламное представление.

Прав В[иктор] Дмитриевич, который говорил, что сложность Маяковского была в том, что в нем нарастало неудовлетворенное. А к чему это приводит реально? Какие выводы всякий мыслящий читатель из этого сделает? Все противоречия, все коллизии исчезли, это публикация внешних взаимоотношений без всякого намека в комментариях на сложность отношений, они увели в сторону от личной трагедии Маяковского. Противоречия были огромными, а здесь они оказались сниженными. Почему? Так подобран материал.

Во-вторых, является ли данная публикация научной? Я считаю, что здесь очень много каких-то погрешностей. Прежде всего, погрешность состоит в том, что включено много однотипных писем, много писем, раньше уже печатавшихся. Почему необходимо было для «Литературного наследства» печатать письма, которые известны уже читательской публике? Несколько десятков писем я читал — где? В..... Академии наук. Мы все видели их, они критиковались. Что же заставило редакцию печатать их здесь?

Я считаю, что это противоречит научному типу этого издания. Какая необходимость публиковать их здесь, если они были уже напечатаны? Зачем взять опубликованные, широко известные письма и напечатать их в «Литературном наследстве»? Это делает уязвимым это издание.

Совершенно правильно говорили, когда встал вопрос о напечатании этих писем, что надо взять одно-два или десятка политически ценных писем и их напечатать. Бессмысленно печатать все письма. Это противоречит типу издания. Почему же не все письма Горького издали, а только наиболее весомые?

Тов. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Потому что у Горького пять тысяч писем, а здесь только двести.

В.Р. ЩЕРБИНА

Это отступление от принципа. Не нужно было включать эти письма, и нет мотива для того, чтобы опубликовать их.

Затем здесь нет научного комментария. Я прямо могу сказать, что Якобсона мы критиковали, но он дал квалифицированный комментарий со своей точки зрения. Это настоящий научный комментарий, сделанный на высоком уровне, потому что он знал, чего хотел. Он проводил в нем определенную линию, определенную мысль, и всем понятно, зачем это публикуется. Он обосновал этот комментарий так, что было понятно. Ему нужно было факты свернуть в другую сторону — и он это делал. Он знал, чего хотел.

Там есть комментарии, есть справочники по поводу фактов. И когда мы читаем это, то что же мы будем теперь противопоставлять этому, если читаем письма Маяковскому? Там пишут, что Маяковский не согласен с большевиками. И у нас читаем в письмах, что у него было несогласие с большевиками.

Мы же письма Горького комментировали! Здесь научного комментария нет. Это типичные письма, написанные Маяковским, интимные письма. А научного комментария нет. Я считаю, что эта холодная, бесстрастная публикация здесь не нужна.

Затем для читателя надо давать в «Литературном наследстве» новое, а не перепечатки. А здесь много перепечаток. И самое главное, — что нет здесь указаний, что они уже были напечатаны. Это погрешность, непозволительная для такого издания.

Если редакция находит нужным напечатать уже напечатанные письма, она должна обосновать, почему это нужно.

Затем нет комментариев, нет освещения того факта, что путь Маяковского был очень сложен.

И третий вопрос — помогают ли эти публикации (я не беру все издание) в нашей идейной борьбе. Нет, потому что эти комментарии подтверждают двойственность Маяковского, что была одна личная жизнь и была другая жизнь, которая была сзади, внешняя жизнь, которая в конце концов и подвела. То есть эта публикация дает аргументы не для тех концепций, которых мы придерживаемся. Я считаю, что это тоже ошибка — ошибка с точки зрения принципа научности публикации, точности публикации и осмысления этого дела.

С.И. КОЗЛОВ

Здесь уже выступавшие товарищи отмечали и положительные и отрицательные стороны тома «Литературного наследства», посвященного Маяковскому, — «Новое о Маяковском». Мне хотелось бы присоединиться к тому мнению, что том этот составлен неравномерно. В нем имеется известный переход к желательному для нас типу. Я не думаю, что том этот играет на руку ревизионистов.

Но в томе допущены серьезные ошибки, и главная ошибка состоит в том, что редакция «Литературного наследства» не нашла в себе мужества последовательно провести ту линию, которую она

наметила, по очистке этого тома от тех материалов, которые вызывали, Виктор Владимирович, очень серьезные возражения.

Прежде всего, это письма Маяковского к Л.Ю. Брик. Но были не одни письма, — были еще воспоминания Л.Ю. Брик о Маяковском.

Эти воспоминания Брик, вместе с письмами Маяковского, дали мне посмотреть и сказали, что ... считают нежелательной публикацию как воспоминаний, так и писем, в «Литературном наследстве».

Я тщательно ознакомился с этими материалами и высказал мнение, что, на мой взгляд, публиковать такие материалы, как письма и воспоминания Л.Ю. Брик, не следует.

Почему? Прежде всего «Воспоминания» носили насквозь фальшивый характер. Л.Ю. Брик в своих «Воспоминаниях» прямо говорит, что выступает в роли, так сказать, душеприказчика, что она оберегает Маяковского от фальши.

Вот такой пример. Она пишет, что после поездки в Германию Маяковский выступает с произведениями о Германии, где критикует германских капиталистов. И она говорит ему: ты же фальшивишь: ты проиграл там в карты, пропьянствовал, ничего там не видел — и пишешь о капиталистической Германии?!

Этого нет здесь, но это точно! Я отвечаю за свои слова, — там это есть. Это должно было насторожить редакцию «Литературного наследства» — и редакция насторожилась сразу.

Я должен на заседании Бюро Отделения сразу заявить, что Михаил Борисович и Виктор Владимирович придали большое значение этому месту воспоминаний Брик. Однако И.С. Зильберштейн как член редакции вел себя недостаточно правильно в вопросе о публикации «Воспоминаний» Л.Ю. Брик. Он говорил прямо, что знает: если мы не будем публиковать эти материалы, то это вызовет нежелательную реакцию со стороны Арагона и Эльзы Триоле. Это заявление сыграло известную роль, потому что редакция пошла в этом вопросе на уступки⁷⁶.

---

⁷⁶ См. далее стенограмму ответного выступления И.С. Зильберштейна с опровержением этих сведений. К его словам можно добавить следующее. В предисловии к публикации «Вокруг творческого наследия Маяковского», увидевшей свет в 1994 г. в журнале «Вопросы литературы», в рамках серии публикаций архивных материалов из фондов Центра хранения современной документации, в частности, говорилось: «В письме в ЦК КПСС от 27 февраля 1959 года корреспондент “Правды” Г.А. Жуков сообщил руководству о том, что многие материалы сборника “Новое о Маяковском”, в частности письма В. Маяковского к Л. Брик, используются за рубежом “в целях антисоветской пропаганды”. Журналист из официальной газеты “полагал целесообразным”, чтобы ЦК обратил внимание редакции “Литературного наследства” на “более тщательный отбор документов”. В мае того же года Г.А. Жуков вновь направил в ЦК КПСС письмо. Оно явилось следствием его беседы с французским писате-

Я доведу это до сведения Бюро Отделения, пополняя те выступления, которые здесь уже были.

Здесь правильно В.Р. Щербина говорил, что письма подобраны явно тенденциозно. Мне казалось, не все письма. Я вижу, что одни письма, которые дают характеристику Маяковского, где он пишет о том, что согласен, что не должны большевики возражать... Тут он о политике говорит, а о других вопросах не говорит. Мне кажется, что письма не все.

Правильно В.Р. Щербина сделал целый ряд замечаний редакционного характера, что не сказано, какие материалы публиковались и почему они вновь теперь публикуются. Все это несомненно является очень серьезным недостатком в работе над этим томом.

Надо ли публиковать письма наших современников, живых участников? Я склонен придерживаться того, что мы должны публиковать те письма, которые имеют непосредственное общественно-политическое и литературное значение, имеют отношение к творчеству писателя. А в данном случае что сделала редакция «Литературного наследства»? Она дала материалы: смотрите, каким был Маяковский, и поместила явно рекламное, реабилитирующее предисловие. Известно, что Маяковский не до конца был связан с Лилей Брик. А она поставила себе, как говорят у нас кое-где, памятник с помощью «Литературного наследства», и незаслуженно поставила себе памятник.

Что надо будет сделать? На мой взгляд, нам сейчас необходимо, — это не мой личный взгляд, это уже сложившееся мнение у некоторой части Бюро Отделения, — расширить состав редакционной коллегии и ввести туда наших крупных литературоведов из университета, из Ленинграда и Москвы, чтобы работа не носила какой-то узкий тенденциозный характер, когда два человека делают том «Литературного наследства», а Бюро Отделения встает перед фактом готового материала. Широкого обсуждения нет, перспективного плана работы «Литературного наследства» у нас нет, оно на особом, привилегированном положении, которое не вяжется со сложившимися академическими нормами нашей работы, в частности, нашего Отделения. При подготовке тома все-таки и рецензен-

---

лем-коммунистом Луи Арагоном, незадолго до того награжденным Международной Ленинской премией “За укрепление мира между народами”. Отражая настроение Луи Арагона, Г.А. Жуков предостерегал от организации в советской печати кампании против “лично Л. Брик” и И.С. Зильберштейна, дабы не спровоцировать за рубежом “второе дело Пастернака”. Вместе с тем он сообщил в партийные инстанции, что дал отпор Луи Арагону, рекомендуя ему не вмешиваться в “наши внутренние издательские дела, поскольку он не может знать существа дел, о которых говорит” (Вопросы литературы. 1994. Вып. 2. С. 247–248).

ты были односторонни. Алексей Иванович был привлечен к рецензированию?

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН. Нет.

С.И. КОЗЛОВ

В.И. Перцов был привлечен и Тимофеева была привлечена⁷⁷. Третьего рецензента не было.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Больше двух рецензентов никогда не бывало.

С.И. КОЗЛОВ

Но все-таки можно было привлечь более крупные силы для рецензирования этого тома, и так как том носит особый характер, можно было расширить состав рецензентов. Никто нас не регламентировал.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Такого предложения не было. Почему вы не предложили это два-три года тому назад?

С.И. КОЗЛОВ

Как мне представляется, что сейчас надо было бы сделать? Сейчас надо будет очень тщательно просмотреть второй том «Литературного наследства», посмотреть, что там есть, и поправить положение. Мы беседовали по этому поводу. Мне кажется, что хорошо бы дать очень квалифицированную статью литературоведа об идейно-творческой эволюции Маяковского. Этим самым мы поставили бы вещи на свое место. Во-вторых, мне кажется, надо было бы (В.Д. Дувакин здесь правильно говорил) расширить состав воспоминаний. Мы дали узкие, интимные воспоминания — письма к Брик, а надо было бы дать воспоминания наших деятелей об общественной деятельности Маяковского, более широко привлечь материал, и таким образом мы могли бы устранить перекося, который сложился в первом томе. В-третьих, мне кажется, было бы полезно, — не знаю, как решит Бюро, — результаты наших сегодняшних

---

⁷⁷ Тимофеева Вера Васильевна (1915–2003) — литературовед, доктор филологических наук, специалист по творчеству Маяковского (канд. дисс.: «Большевицкая партийность — основа эстетики Маяковского» (1950); докт. дисс.: «Язык поэта и время. Поэтический язык В. Маяковского» (1963)). С июня 1950 г. — сотрудница Отдела советской литературы, в 1960–1965 гг. — заместитель директора ИРЛИ АН СССР (Пушкинского Дома); в 1968–1988 гг. — главный редактор журнала «Русская литература».

разговоров с соответствующими оценками и пожеланиями товарищей опубликовать в «Известиях Отделения литературы и языка»⁷⁸.

Тов. КОВАЛЕВ

Любопытно было бы узнать, реализованы ли пожелания рецензентов.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Реализованы, но человек изменяется. То, что сказал Алексей Иванович о мнении Тимофеевой, не совсем совпадает с тем, что написано в рецензии.

Тов. КОВАЛЕВ

Я недостаточно изучил этот том, но центральный раздел прочел. Этот раздел, как правильно говорил Владимир Родионович, — письма к Брик, — является центральным и определяет лицо этого тома, потому что объявить новым о Маяковском статьи авторов, которые имели счастье попасть в этот том, никому не придет в голову. Новые материалы это письма, которые здесь даются, и читатель обращает внимание на них, а не на статьи, хотя некоторые статьи обращают на себя внимание, в частности хорошая статья Паперного.

Но новое о Маяковском, которое не является в значительной мере новым, подобрано тенденциозно. Причем эти материалы снижают облик Маяковского до уровня некоторых людей, знающих его длительное время и всячески рекомендующих себя чуть ли не единственными друзьями великого поэта. От этого впечатления уйти никак нельзя, это впечатление остается.

Впечатление это остается. Остается такое впечатление, что редакция пошла на поводу за авторами, позволила авторам написать все, что они захотели бы, и позволила им заниматься саморекламой, позволила публиковать нескромные вещи и т. д.

Видимо, редакция должна занимать активную позицию, редактировать, сопровождать материалы своими комментариями, разъяс-

---

⁷⁸ Козлов С.И. Годичное собрание Отделения литературы и языка Академии Наук СССР // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1960. Т. 19, вып. 3. С. 250–257. В своем отчете автор, как секретарь ОЛЯ, ограничился лишь лаконичным изложением итогов обсуждения: «Была отмечена нецелесообразность помещения в томе интимных, не имеющих значения для понимания творческого пути Маяковского писем к Л. Брик, указывались недостатки, связанные с отдельными статьями, например, со статьей Е. Динерштейна, неправильно комментирующей факты творческой и жизненной биографии Маяковского. Вместе с тем это обсуждение получило более широкий характер, прояснив общий вопрос о принципах отбора для научной публикации о жизни и творчестве художников слова вообще».

няющими материалы авторов, которые желают опубликовать свои письма или воспоминания о великом поэте.

Очевидно, редакции надо будет предусматривать, какое впечатление произведет том в целом на читателей.

Редакция больше занималась оценкой отдельных статей, документов и не обращала внимание на то, какое впечатление произведет том в целом, — а впечатление не особенно благоприятное.

Когда читаешь в этом томе письма Маяковского, обращает внимание то обстоятельство, что в подготовке этого тома, насколько известно, не принимали участия наши специалисты по творчеству Маяковского.

С.И. МАКАШИН

Обсуждение сегодня нашего тома «Литературного наследства», конечно, очень знаменательное событие в жизни редакции, хотя бы потому (я перехожу сразу к самому основному факту), что это первое обсуждение такого издания, как «Литературное наследство», которое имеет свой круг читателей и давно существует. Но мы существуем на общественной базе, без привлечения актива.

Когда начался разговор о печатании Маяковского, об архитектонике тома, это породило очень много разговоров. Представьте себе, что среди студентов, и среди других любителей литературы поднялись эти разговоры. И должен сказать, что на мне очень тяжело отразилось то, что мы в редакции оказались неподготовленными к этому вопросу.

Здесь уже выступавшие говорили, что письма Маяковского к Брик в процессе их поступления в редакцию вызывали очень острые споры. Тут позиции были разные. Позволю себе для ясности картины высказать свою собственную позицию. Она была так сформулирована и с тех пор не менялась: как жаль, что Людмила [*так в стенограмме!*] Юрьевна дала нам свои письма, лучше бы она их нам не давала. В этом сказался присущий редакции несколько объективистский стиль: если уж попал документ, написанный рукой Маяковского, снимай шапку, преклоняй колени и печатай. Но сами письма у нас восторга не вызвали⁷⁹.

---

⁷⁹ Заметим, однако, что отзыв С.А. Макашина на рукопись воспоминаний Л.Ю. Брик, сохранившийся в ее архиве, содержательно и интонационно существенно отличается от направленности его выступления на обсуждении тома: «Л.Ю. Брик создала мемуарный памятник первостепенного значения и интереса. Нет сомнения, что ни один из биографов Маяковского не обойдет своим вниманием этого источника. Его главная ценность в том, что в нем воссоздан портрет живого Маяковского. Особенно сильно и ново показана лирическая стихия жизни и творчества Маяковского, показаны истоки пережитой им драмы. Как оговаривается сама Л.Ю., ее воспоминания преимущественно “личные”. Такой подход вполне законен для мемуариста. Но вот в чем дело. У чи-

В чем была основная трудность, когда мы попытались проанализировать, почему была такая волна возмущения со стороны известной группы читателей. Статистикой тут трудно заниматься, потому что были высказывания, что хорошо, замечательно, что напечатали письма, были разные мнения, но когда мы попытались проанализировать письма читателей, которые любят и ценят Маяковского, почему было чувство возмущения, то ответ был такой: читателей поразило резкое несоответствие между тем образом Маяковского, могучим образом, который встает со страниц его стихов, его творчества, всегда идейно могучего, всегда пронизанного остротой крупной общественной проблематики, и Маяковским, глубоко погруженным в мелочах жизни. Мы это видели и понимали, о чем сегодня хорошо говорил В.И. Перцов, что одни умеют себя выражать в письмах, другие не умеют.

Но не только в этом была трудность, и я прошу понять этот аспект, — вопрос очень трудный в практической работе редакции, о котором Илья Самойлович не говорил. Когда мы задумали начать серию томов по истории советской литературы, мы считали, что мы в долгу перед нашим обществом. Тут какое-то непонятное отставание. Но нам было видно, что механически переносить всю нашу методику, сложившуюся исторически по публикации материалов XIX в., совершенно невозможно. Предполагался даже специальный том, где мы хотели поставить эти вопросы. Был задуман даже план каких-то статей о методике публикации материалов. Те публикации, которые сейчас появляются в различных изданиях, показывают, какой разброд здесь существует, как назрела необходимость обдумать проблематику и методику публикации историко-литературных документов по эпохе, которая не отошла от нас в историческое прошлое. Здесь политический аспект приобретает большее значение, чем в отношении материалов прошлого. Здесь уже говорили, что никого не удивляет, что мы публикуем переписку каких-то деятелей прошлого.

Когда мы получили эти письма, мы увидели, что они не дают всей сложности и всей полноты картины личной жизни Маяковского, что для полноты мы обязаны изучать личную жизнь поэта. Письма такого рода это разговор по телефону. Нельзя воспринять полностью разговор по телефону, когда слушаешь только одну сторону, нужно слышать и ту, и другую. Мы сталкиваемся с этой труд-

---

тателя может невольно создаться впечатление, что развитие Маяковского не шло об руку с его частной жизнью, что личное и общее чаще противоречили, чем совмещались, что из рассказываемого Маяковского — художника не “выведешь”. Нет сомнений, что Л.Ю. так не думает. Значит необходимо ясно и энергично сказать — о чем Воспоминания, обозначить их границы и рамки (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 2. Ед. хр. 109. Л. 1).

ной проблемой, которую мы одни своими силами решить можем плохо. Между нами и Маяковским как посредник стоит живой человек. У нас была такая альтернатива: либо мы должны отказаться от публикации, либо мы должны пойти на нарушение теоретических норм, потому что мы должны понимать всю совокупность эти вопросов.

Здесь высказывалась та точка зрения, что Маяковский прогрессирующе шел к публичному одиночеству в конце жизни, что оно усиливалось и усиливалось.

Значит, это одна из проблем, на которой мы споткнулись и которую нужно нам решать.

В более общем плане вывод, который мы должны принять после содержательного обсуждения, может быть такой.

Дело в том, что в журнале «Литературное наследство», том которого мы сегодня обсуждали, наметился некоторый уклон. Это естественно, потому что мы много работаем над документами, — у нас создается некоторое чрезмерное уважение к документу, к фактам. Тут трудность более общего порядка.

Когда «Литературное наследство» начинало издаваться, тогда не было собраний сочинений многих писателей, многих документов первоклассного качества. Мы могли тогда пригоршнями черпать этот материал. Теперь все изменилось. Теперь все подобрано в собраниях сочинений академических и остаются только какие-то мелочи.

И вот еще один вывод, — что в будущем писателям вряд ли нужно будет издавать томы монографий, а нужно будет больше создавать томы, более приближающиеся к проблемной тематике.

Я должен далее сказать относительно нескольких замечаний товарищей, которые выступали здесь.

Вот было здесь полемическое выступление А.И. Метченко. У него были нотки, оттенки и формулировки, которые мы, как редакция, не можем принять. Я отвечаю сам за себя.

Все те ошибки, о которых говорило сегодняшнее обсуждение, показали, какой сложный предмет наше издание. Сегодняшнее обсуждение показало, что все товарищи, включая тех, которые выступили в «Литературе и жизни», признают объективную ценность этих материалов. Как можно в этих условиях предъявлять обвинения редакции, что мы сознательно шли на определенную концепцию, и говорить, что данный том «работает не на советское литературоведение»? Если не на советское, то на чье же? Если так поставить вопрос, это принимает уже политический характер. Это настолько серьезное обвинение, что нельзя просто так расстаться.

А ведь на самом деле того, чтобы доказать это мнение (тут уже т. Перцов говорил о том, что это не соответствует действительности, что должны повышать нашу бдительность, чтобы не проник

к нам ревизионизм, идеология Запада, но мы не должны работать, не боясь, что там скажут), — нужно доказать, что эта концепция была создана кем? Редколлегией? В чем? Это только излишек темперамента подсказал такую формулировку Алексею Ивановичу. Это мы не можем принять.

Дело заключается в другом, — о чем я уже говорил. Алексей Иванович опять несколько неточную дал формулировку, когда говорил, что мы должны очень осторожно подходить к подбору материала. Но специфика наша в том, что мы печатаем какие-то материалы, которые уже прошли. Но это издание впервые печатается и, если проявляется здесь некоторая односторонность по понятным историческим причинам, мы не можем исправлять и давать объективные факты.

Здесь опять-таки третий урок, который мы должны извлечь. Такой метод исправления, выравнивания есть — это метод научно-исследовательского обобщения. И если можно предъявить этому тому «Литературного наследства», как и другим томам, обвинение, так это в том, что мы очень много внимания уделяем поискам, собиранию и мобилизации новых материалов и их публикации и мало уделяем внимания опосредованным связям, системам, мало помним то, о чем так часто говорил Ленин, что сам по себе изолированный факт не есть факт, а что убедительна система фактов в их определенной взаимосвязи⁸⁰. Я и думаю, что те ошибки, в которых нас справедливо обвиняют, это ошибки объективистского характера, то, что мы недоучли того, что когда Динерштейн делает из маленького фактика — прав он или неправ, это другое дело, — что произошла Октябрьская революция, «Аврора» гремела, а Маяковский участвует в частной антрепризе, — разве можно на основании этого факта делать вывод о политических взглядах Маяковского. Конечно, нельзя. Это есть некая фетишизация фактов. Я думаю, что эти выводы мы должны сделать, и во втором томе поправить положение — дать ряд исследовательских статей, обобщающих имеющиеся данные. Я имею в виду политические взгляды Маяковского в отношении революции, потому что, что касается материалов лич-

---

⁸⁰ В своей незавершенной статье «Статистика и социология» (1917) в главе «Историческая обстановка национальных движений» Ленин писал: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры... Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только “упрямая”, но и безусловно доказательная вещь... необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно...» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 30. С. 350–351).

ного порядка, то мы, конечно, поправлять ничего не будем, потому что не можем поправлять да и материалов таких нет.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

После 25 лет работы над созданием 60 с лишним выпущенных томов мы принялись за разработку материалов по советской эпохе. По правде говоря, мы себе не представляли всех наитруднейших трудностей, которые были когда-либо у нас на протяжении четверти века.

Прежде всего, я беру слово, которое упомянул Алексей Иванович, — «групповое», но упомянул предельно несправедливо. Я был потрясен количеством групп. Я никогда не соприкасался с вопросами изучения Маяковского, но когда мы взялись за это дело, мы увидели, что сколько людей, столько и групп. Редко бывало, чтобы два человека были в одной группе. Бывали случаи смешные. К нам в редакцию придут три автора тома, и ни один из авторов не разговаривает с другим.

Я с самого начала скажу о той ошибке, которая нам стала ясна уже тогда, когда том вышел. Мы подошли к его созданию с тех же позиций, с каки[x] мы подходили к созданию любого предыдущего тома. Кажется, тот же Алексей Иванович сказал об академическом подходе. Да, в хорошем смысле по отношению ко всем другим томам это имело место. Вы знаете те многочисленные рецензии, которые были на наши тома, как мы всегда стремимся выявить максимальное количество материала, как мы работаем как хорошие секретари для своих руководителей, давая этот материал. Я вам показал бы письма по любому тому, в том числе и по Маяковскому. Извините, что я это говорю, это должны были бы сказать другие, но вот у меня лежит письмо того же Наумова, который пишет о самоотверженной работе по изысканию для него материалов. Это наше обычное состояние, мы ищем материалы, мы стремимся по мере сил редактировать этот материал на возможно высоком уровне, но поверьте, что этот орешек был мучителен и невероятно труден.

Вот сейчас легко говорить: почему не дали Петрову, Сидорову, Иванову на рецензию эту книгу?

Мы издали книгу и, когда возник вопрос, кто будет объективным оценщиком этой книги, я предложил т. Перцову (почти половина людей в редакции с ним не разговаривает), чтобы он прочитал том и дал рецензию.

В.И. Перцов дал огромную рецензию⁸¹. Он дал рецензию по каждой публикации. Мы редко получаем от наших рецензентов такие

---

⁸¹ В течение двух с половиной месяцев 1957 г. (март, апрель и первая половина мая) В.О. Перцов ознакомился с материалами, которые предполагалось включить в том. Общий объем этих отзывов, по собственному свидетельству

рецензии. Он дал сводную большую рецензию на полтора листа печатных.

Виктор Владимирович попросил дать прочитать книгу Тимофеевой. У нас есть письмо от Тимофеевой, где она предлагала развернутую рецензию. Я прочитаю, здесь есть кусочек этой рецензии. И вот по этой одной фразе видно, как мы использовали любую практическую возможность⁸².

Перцова, составлял примерно полтора печатных листа. Некоторые итоги знакомства с материалами тома рецензент подвел в отзыве, написанном 24 мая 1957 г. Этот отзыв на пяти машинописных страницах сохранился в редакционном архиве. Прочитав некоторые его фрагменты: «Большая группа публикаций, содержащих неизвестные выступления, важна, потому что позволяет уточнить и углубить представление о развитии его эстетических взглядов, о тех огромных издержках на пути к марксистской эстетике, которые характерны не только для Маяковского, но и для всей т.н. “левой” интеллигенции. И пусть Маяковский выглядит в большинстве из этих публикаций, как человек ошибавшийся..., но знать эти факты надо и надо их публиковать. Очень ограниченное, почти исключительно личное содержание имеет переписка Маяковского с Л.Ю. Брик. Несомненно, что эти письма многих разочаруют своей узкой деловитостью, с одной стороны, и своей лирической монотонностью, с другой [...] Но что поделаешь, таковы письма Маяковского, они являются источником для изучения некоторых особенностей его стиля и некоторых фактов его биографии, в них нет ничего, что могло бы покорило читателя с какой бы то ни было точки зрения. Знать эти письма исследователю творчества Маяковского надо и публиковать их надо, пожалуй, нет другого более подходящего издания для этого, чем “Литературное наследство” [...] Наибольшие сомнения вызывают у меня “воспоминания”. Конечно, я не предлагаю отказаться от них, потому что отрицаю за ними значение научного источника. Но без поправки на личность автора и его целевую установку, без проверки общей идей нельзя оценить значение свидетельства современника и снять неизбежный субъективизм. Безусловной ошибкой я считал бы публикацию воспоминаний семьи Бурлюков, в которых есть привкус саморекламы... Вполне уместны такие воспоминания, как Л.Ю. Брик и Н.Н. Асеева. В воспоминаниях Эльзы Триоле, превосходных с литературной стороны, во многих эпизодах Маяковский “обытовлен”, дан с “изнанки”. Если учесть, что в собранных материалах сильнее представлены слабые стороны поэта, то воспоминания Эльзы Триоле являются, так сказать, “последней каплей”... В итоге — за исключением спорного для меня раздела воспоминаний — весь остальной материал представляет высокую научную ценность... он даст серьезный толчок к развертыванию исследовательской работы над творчеством Маяковского и историей русской литературы» (*Архив ЛН*).

⁸² В своем кратком отзыве, написанном 7 июля 1957 г., В.В. Тимофеева, ознакомившись с некоторыми материалами тома, особое внимание обратила на структуру и содержание раздела воспоминаний: «...лучше сохранить его в составе тома. Во-первых, потому, что в этом случае воспоминания попадут в руки именно того читателя, который глубоко и серьезно интересуется творчеством поэта. Во-вторых, потому, что в таком солидном научном издании, как

Значит, у нас было уже два рецензента. Мы с великим восторгом дали бы на рецензию том и Алексею Ивановичу, зная, что он занимается много лет Маяковским, и рецензия его была бы плодотворной. И мы говорили с Алексеем Ивановичем об одной работе. Я лично просил его создать нам статью по типу статьи Паперного, которую здесь все так хвалили, — «Терминология Пиксанова ..... о творчестве поэта»... Мы хотели получить вашу статью по Ленину. Но у нас не было времени. Ведь был такой разговор? Вы помните? К сожалению, мы не получили всего того, что хотели бы получить⁸³.

Не забудьте одной вещи. Мы сразу получили разрешение от главного редактора на издание двух томов. Если разрешите быть откровенным и объективным, — несправедливо было бы все пожелания, какие были высказаны сегодня, выполнить на материале одного первого тома. Кое-кто высказал пожелание: а это хорошо было бы для второго тома.

В первых строках нашего редакционного плана сказано, что этот материал разносится на два тома.

Значит, наша основная ошибка — и мы совершенно честно осознали это, когда том вышел, что на подготовку будущего тома было потрачено даром ушедшее время. Конечно, надо было бы еще поработать над этим томом.

Редакционная коллегия большую работу проделала. Очень много статей Михаил Борисович прочитал, многие вещи он предложил мне заменить, и действительно, как показала подготовка будущего тома, он оказался правым.

Но, скажем, вопрос о письмах Брик никогда не вставал в таком прямом, резком разрезе — снять, не давать. Этого не было никогда, это подтвердит любой член редколлегии. Но письма, когда они были сверстаны, читал в рукописи Михаил Борисович. Когда он увидел верстку, ему не понравились рисунки Маяковского и некоторые клише. Было решено на редакционном заседании десяток клише снять, оставив рисунки собственно Маяковского, поскольку они являются органической частью самих писем. Маяковский, как известно, был хороший художник, и это было вполне закономерно.

“Литературное наследство” есть возможность “уравновесить” другими материалами некоторую односторонность, а то и явный субъективизм в освещении тех или иных моментов биографии Маяковского. Разумеется, публикуемые воспоминания должны быть тщательно отобраны. Я не сомневаюсь, что редакция уже проделала этот отбор, но не могу не высказать недоумения по поводу публикации воспоминаний Д. Бурлюка. Стоит ли открывать раздел этими воспоминаниями? И вообще есть ли необходимость публиковать их?» (Архив ЛН).

⁸³ О каких статьях идет речь, выяснить не удалось.

Был снят десяток клише по предложению Михаила Борисовича. Все было выполнено на сто процентов. Не было ни одного случая, когда принятое на нашем редакционном совещании [решение] не было бы выполнено.

М.Б. ХРАПЧЕНКО: А «Новое о Маяковском» откуда?

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Возьмите экземпляр верстки, который подписан вами. Там на первой странице было написано: «Новое о Маяковском».

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ: Вы не совсем справедливы. Я, конечно, сделал ошибку: когда мне в самый последний момент дали верстку, я подписал, но вы сами знаете, что заглавие «Новое о Маяковском»...

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Не обсуждалось.

В. ВИНОГРАДОВ: Не только не обсуждалось, но вызвало протест со стороны Михаила Борисовича и моей, потому что мы против такого заглавия по отношению к любому писателю, мы против такого коммерчески рекламного стиля, против сенсаций, нам казалось, что это не в стиле Отделения. Поэтому я должен внести такую поправку.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Я подтверждаю, что мы не обсуждали на наших редакционных совещаниях это название, но с первых дней том так у нас назывался. Это может подтвердить Сергей Алексеевич [*так в стенограмме!*].

С МЕСТА: Позже.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Может быть, позже на три месяца, но книга делалась три года и во всех документах книга фигурировала под таким названием. Это может быть легко проверено по документам.

Алексей Иванович в своем выступлении сказал: письма к Брик надо было печатать, где их печатать — ответа на этот вопрос он не дал, а ведь он великолепно знает все наши издания, он знает, где можно печатать документальный материал о Маяковском. Этот вопрос был поставлен в большой, полуторалистной рецензии Перцова, из которых я прочту восемь строк, посвященных этой публикации:

«Очень ограниченное, почти исключительно личное содержание имеет переписка Маяковского с Л.Ю. Брик. Несомненно, эти

письма многих разочаруют своей узкой деловитостью, с одной стороны, и своей лирической монотонностью — с другой. Конечно, совершенно неуместна фраза в предисловии к этим письмам, которую дает Л.Ю. Брик, что дескать Маяковский «и в письмах не был болтлив, в них нет ни рассуждений, ни философствований на общественно-литературные темы». Эта фраза была снята, этой фразы в предисловии не было и нет.

Он продолжает дальше: «Но что поделаешь, таковы письма Маяковского, они являются источником для изучения некоторых особенностей его стиля и некоторых фактов его биографии, в них нет ничего, что могло бы покоробить читателя с какой бы то ни было точки зрения. Знать эти письма исследователю творчества Маяковского надо и публиковать их надо, пожалуй, нет другого более подходящего издания для этого, чем “Литературное наследство”»⁸⁴.

Я не смею расписываться за Алексея Ивановича, он сам мог бы на этот вопрос ответить, но думаю, что если бы мы, судя даже по тому, что он сказал об этой публикации, его спросили, и он нашел бы время для рецензии на этот том, то я убежден в душе (он опровергнет меня, если я неправильно читаю его мысли), что он тоже написал бы, что их надо публиковать, поскольку нет другого более подходящего издания для этого, чем «Литературное наследство».

Я искренне думаю, даже с точки зрения крупных исследователей Маяковского, что мы сделали дело вполне законное, логичное. Ведь наш тираж всего от пяти до максимум двадцати пяти тысяч. Наша книга дорогая — 30–40, а то и 50 рублей. А «Собрание сочинений» издается тиражом 190 тысяч. Том «Собрания сочинений» лежит в готовом виде на столе Главной редакции, но не утвержден еще на Ученом совете и не прошел через Ученый совет, — они довели тираж до 190 тыс. А мы имеем право это издать, так как это издание не для широкой публики.

Смею думать, что члены редколлегии тоже выскажут свое мнение, что то, что мы напечатали, закономерно. Может быть, с точки зрения сегодняшнего дня, было бы целесообразно предпослать письмам какую-то большую вступительную статью. Нам не пришлось это в голову, и никто, к сожалению, нам этого не подсказал. Ни в одной из рецензий мы этого не прочитали. Быть может, если бы такое предложение было высказано, мы обязательно претворили бы его в жизнь. Короче говоря, такого предложения на редколлегии никогда не ставилось. Никогда редколлегия не вносила этого предложения.

Чтобы кончить с этим вопросом (к сожалению, Владимир Родионович ушел), я хотел сказать, что несправедливо было высказа-

---

⁸⁴ См. примеч. 81.

но им предположение, что был какой-то отбор, что письма были подобраны.

Я глубоко верю, что они целиком нам даны и еще пять записок появляется здесь, которые ничего не прибавляют, кроме того большого письма, которое является не письмом, а дневником Маяковского. Я уже в реплике сказал об этом и сейчас не буду к этому возвращаться.

Алексей Иванович обвинял нас еще в том, что мы не печатаем [телеграммы?]. Это несправедливо. Возьмите книжки. Мы все собрали, что могли собрать. Год тому назад уже печатали, и каждый раз мы пишем, откуда взято. На каждой телеграмме Смолича мы отмечаем⁸⁵.

А о письмах к Брик было сказано, что семь писем были изданы. Неужели надо было в редакционном предисловии писать, что было издано в таком-то сборнике в таком-то году. Не было у нас такого намерения и это не дело «Литературного наследства» — выдавать какое-то старье за новый материал. Мы и пишем в предисловии, что никогда не публиковалось эпистолярное наследие.

Все, что можно было достать из архивов, мы получили с необычайным трудом. У нас была такая задача — может быть, действительно, не правильная, это другой вопрос, но действительно подход был чисто академический. Опыта у нас не было в создании тома, посвященного советской эпохе, том этот был труднейшим.

Два слова по поводу замечаний Алексея Ивановича. Алексей Иванович бросил фразу о неправленных стенограммах. Я смею сказать, что это непростительный упрек. Он как исследователь великолепно знает, что правленных стенограмм выступлений Маяковского одна или две, все стенограммы неправленные.

А.И. МЕТЧЕНКО

Вы меня не поняли.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Я понял так, что вы упрекали нас в том, что мы печатаем неправленные стенограммы.

А.И. МЕТЧЕНКО

Такого упрека я никогда не делал.

---

⁸⁵ В разделе «Письма Маяковского разным лицам» опубликованы две телеграммы Н.В. Смоличу от 22 (23) августа и октября 1927 г. В каждом случае указано место хранения телеграммы, а при публикации второй телеграммы названо место, дата ее первой публикации и имя публикатора — она была опубликована С.Д. Дрейденем в седьмом номере журнала «Звезда» за 1957 г.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Вы правильно сформулировали свое отношение к рецензии в газете «Литература и жизнь». Конечно, это новая попытка, как Вы сказали, Колоскова взять реванш после знаменитой разгромной редакционной статьи в «Правде», появившейся в 1953 г., где он и Трегуб фигурировали много раз как люди, которые совершенно недопустимым образом делали антиисторическое дело. Это же он продолжает в этой статье, подписанной им и Ворониным. Вот одна фраза из этой статьи 1953 г.: «Иные исследователи творчества Маяковского пытаются лакировать действительность, замалчивать или обходить сложность развития поэта. Так, Трегуб и Колосков упорно замалчивают ошибки и заблуждения раннего Маяковского»⁸⁶.

---

⁸⁶ «Поведение группы С. Трегуба — А. Колоскова на дискуссии о Маяковском» фигурировало, как одно из ярких проявлений «сионистских настроений, семейственности и групповщины» (“процветающих” в редакциях литературных журналов), в анонимном, антисемитском по направленности письме-доносе, направленном в ЦК КПСС «группой студентов» в январе 1953 г. с осуждением критиков-космополитов (См.: Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: МФД, Материк, 2005. С. 651–653). *Трегуб Семен Адольфович* (1907–1975) — литературовед, критик, публицист, автор книги «Живой с живыми» (М.: Советский писатель, 1950), раскритикованной в печати (см., напр.: *Щербина В.* За правдивое освещение творчества В. Маяковского // *Правда*. 1951. 25 марта; в этой статье автор книги обвинялся в отрыве Маяковского от традиций классической русской и советской поэзии, в «сектантской» попытке ограничить «школу Маяковского» «небольшой группой советских поэтов, отказав всем остальным в праве называться последователями основоположника советской поэзии» и т.д.). Речь в выступлении Зильберштейна идет о Всесоюзном совещании, организованном Союзом писателей СССР совместно с ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР в январе 1953 г., работа которого освещалась подряд в шести номерах «Литературной газеты» (№№ 10–15). На нем, как писал впоследствии Е.И. Наумов, «С. Трегуб вместо признания своих ошибок, на которые в свое время указывала “Правда”, вновь повторил все свои ошибочные рассуждения о “школе Маяковского”. Вслед за С. Трегубом на такие же позиции встали критики А. Колосков, В. Огнев, В. Котов и некоторые другие. Участники совещания в своем подавляющем большинстве выступили с резкой критикой и решительным осуждением этой группы» (*Наумов Е.И.* В.В. Маяковский: Семинарий. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во. Ленингр. отд-ние, 1963. С. 107–108). Спустя два месяца после совещания в центральной газете страны была опубликована редакционная статья «За марксистское освещение творчества В. Маяковского» (*Правда*. 1953. 2 марта), в которой позиции упомянутых критиков были признаны ошибочными и которую цитирует Зильберштейн. К. Симонов в своем выступлении «Об основных проблемах изучения творчества В.В. Маяковского», опубликованном в виде статьи в «Литературной газете», в еще более резкой форме охарактеризовал работу Трегуба: «Никто не доставил больше помех широкому освоению традиций Маяковского советской поэзией, чем сектанты и начетчики типа С. Трегуба,

Вы найдете в редакционной статье много таких положений, против которых сейчас выступают Колосков и Воронцов. Они не называют «Правду», но ведут спор с «Правдой» 1953 г., хотя никто никогда не дезавуировал этой статьи. Кроме того, мы, напр., дали статью «Ленин и Маяковский»⁸⁷. Никто ее не ругал, и вы, кажется, отметили ее в своем выступлении. Мы дали добросовестный свод материалов, кое-что нашли новое. Они даже не упоминают этой статьи. И вообще для всех, не только сидящих в этом зале, недопустимая вещь — как можно писать статью двум партийным критикам и замалчивать эту статью. Я этого не понимаю. Пусть ругают эту статью, пусть напишут, что Наумов плохо совладал с материалом, хотя Наумова вы все цените как товарища, который десятилетия занимался Маяковским, автор книги о Маяковском.

Но нет, они просто его замалчивают. Почему? Потому что, если упомянуть эту статью, то и то, что писала «Правда» — что Коминтерн замалчивает некоторые вещи в... Эти ленинские формулы после нашей публикации, после ответа Луначарского стали широко известными и приобрели огромный интерес⁸⁸.

Вот мы и получили только что польскую газету. Здесь очень добросовестная хроника. Начинают они с того, что переводится текст записки Владимира Ильича, с полным глубоким уважением. Я могу этот текст показать. Вот этот перевод.

«Мы [льем] воду на мельницу врагам — идеалистам...» И т. д.⁸⁹

Так что ленинские оценки получили сейчас европейскую известность.

По поводу ленинских замечаний одно слово разрешите сказать Г.С. Черемину. Я впервые слышу, что адресована записка не Луначарскому, а Покровскому. Когда мы сверстали эту записку, мы послали ее в тот архив, откуда получили эту записку, и никто там не сказал нам, что она была адресована Покровскому. Мы посылали ее заместителю директора Архива Маяковского.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Тогда это не было еще известно.

чья критическая работа на практике в большинстве случаев сводилась к попыткам разъединить, растащить нашу поэзию и должна быть ясно и четко охарактеризована как явление политически вредное» (Литературная газета. 1953. 3 февраля. № 15. С. 2).

⁸⁷ Статья Е.И. Наумова. См. примеч. 11.

⁸⁸ См. примеч. 59.

⁸⁹ Этот публицистический образ многократно встречается в литературном наследии Ленина. Какой именно источник (в стенограмме он обозначен как «польская газета») и какой текст Ленина цитирует Зильберштейн, установить не удалось.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Почему же вы обвиняете нас? Я не вижу нашей принципиальной ошибки: Покровский или Луначарский. Но я не знаю, как они с вами могли согласиться. Там на обороте надпись рукой Луначарского. Это ясно, это его рука... Как он мог писать ответ на другой записке.

Это, конечно, мелочь, но это показывает, что мы не совершили тут ошибки, потому что были в контакте с Институтом марксизма-ленинизма. Институт тоже считал, что она адресована Луначарскому⁹⁰.

Я говорю, что вы должны добросовестно отнестись к любой нашей проверке.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Я вас не упрекаю, — я просто вношу ясность.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

Я сказал в выступлении, что у нас была установка на то, чтобы точную историческую истину установить. Я хотел бы, чтобы и вы верили в это, — что мы всеми силами добивались этой исторической истины. И если действительно в каком-то письме в ноябре 1917 г., в письме к Брик соглашается во всех вопросах с большевиками и Брик соглашается с литерат[орами?], то это факт⁹¹.

Г.С. ЧЕРЕМИН

Но солидаризируется ли Маяковский с ней?

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

То, что вы сказали, что том сделан в традициях «Литературного наследства», это совершенно правильное замечание. Но я повторяю, что в этих традициях было что-то сугубо академическое, что в дальнейшем при создании других томов, — а у нас запроектированы и другие тома по эпохе советской культуры, — нам нужно, конечно, избежать этого.

Я не могу подробно останавливаться на всех других вопросах, хочу только сказать несколько слов С.И. Козлову. Он меня обвиняет в том, что я вел себя необъективно при решении вопроса о публикации писем к Брик, что я ссылался на Арагона и Триоле. Это не соответствует действительности по простой причине. У нас в редакции не было предложений снять письма из тома, да и не было оснований.

Вы считали бы правильным, чтобы кроме двух рецензий была бы третья, но вы могли бы, когда разбирался вопрос на Отделении,

---

⁹⁰ См. примеч. 59.

⁹¹ На какое именно письмо ссылается И.С. Зильберштейн, неясно.

сказать, поскольку вы член Отделения, и мы, несомненно, согласились бы дать третью рецензию. Но вы этого не сделали, и не обвиняйте нас. Никогда за все время существования «Литературного наследства» не было трех рецензий, и никто никогда не требовал. Может быть, вы правы, что в данном случае не надо было подходить так, как при создании других томов. Но теперь говорить о том, что нужна третья рецензия, поздно.

Вы правильно сказали, что во втором томе нужно сделать что-то такое, чтобы этот том подчеркивал отношение к первому. Если бы вы это конкретизировали, мы были бы вам бесконечно благодарны. Повторяю, что не было такого случая, чтобы какое-то конкретное деловое предложение мы не постарались бы всеми нашими силами реализовать.

По поводу выступления тов. Ковалева. Он, к сожалению, ничего не сказал о томе, — то ли он его не читал, то ли он не считает возможным говорить о томе то, что он думает. Но от заведующего отделом советской литературы Пушкинского дома, да еще памятуя, что мы были органом Пушкинского дома, мы ожидали развернутого, делового выступления, чтобы он подряд, публикация за публикацией, страница за страницей сделал свои замечания, тем более, что он сам является редактором сборника по советской литературе, выходящего в Пушкинском доме. К сожалению, мы не получили от тов. Ковалева должной объективной и полной оценки⁹².

Последнее. Том был трудный. Эта статья, повторяю, по мнению почти всех без исключения людей, с которыми мне пришлось встретиться, — статья необъективная. Сейчас в газетах и журналах появляются оценки этих публикаций. В журнале «Искусство кино» несколько страниц посвящено этим публикациям. В газете «Комсомольская правда» имеется статья, могу привести еще какие-то примеры. О чем это говорит? О том, что мы собрали какие-то ценные вещи⁹³.

Вы же не знали об этом, потому что они не были полностью напечатаны, а то, что напечатано в последнем издании Собрания сочинений, там они идут за нами и печатают.

Там пять человек, которые действительно работают глубоко, досконально.

---

⁹² Ковалев Валентин Архипович (1911–1999) — литературовед, специалист по творчеству Л.М. Леонова; заведующий Сектором советской литературы ИРЛИ в 1952–1998 гг.

⁹³ Вероятно, что Зильберштейн подразумевал под газетной публикацией письмо сестры поэта: *Маяковская Л.* Так ли жил Маяковский?: Письмо в редакцию // *Комсомольская правда*. 1959. 9 апр. № 83. С. 4; также упомянута заметка: *Алейников М.* Маяковский требует // *Искусство кино*. 1959. № 1. С. 118–119 (в рубрике «Примечания читателей»). Сообщено М.А. Котовой.

Товарищи! Я думаю, что для нас это будет очень ценным уроком. Все выступления отмечали, что в этом томе есть немало ценного. Мы постараемся, чтобы в других томах, посвященных советской эпохе, было еще больше ценного, чтобы подготовка их была более тщательной.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

В обсуждаемом томе «Литературного наследства» опубликован целый ряд материалов, освещающих важные этапы жизни и творчества Маяковского, но обсуждение это показало, что в томе есть существенные недостатки.

На мой взгляд, ошибкой нужно признать публикацию в нем писем Маяковского к Брик. Здесь уже говорили, почему не нужно бы делать. Многие высказывали справедливое мнение, что публикация писем Маяковского к Брик, которые содержат в себе факты сугубо личного характера, переключает внимание на это личное и способна отвлечь определенные круги читателей, заслонить боевую позицию Маяковского в его творчестве.

Все эти сами по себе письма к Брик, без критики, без анализа, не дают верной перспективы даже об истории личной жизни Маяковского. Они освещают однобоко перспективу жизни Маяковского. Совершенно справедливо отмечено, что в этой публикации есть претензия на саморекламу.

Думается, что справедливой критике здесь была подвергнута статья [Динерштейна «Маяковский в феврале-октябре 1917 года»], не обоснованная конкретным материалом, неверно освещающая отдельные периоды 1917 г. в развитии Маяковского. Слабая статья Харджиева [«Заметки о Маяковском»] и многие другие.

Нужно обратить внимание на то, что в этом томе «Литературного наследства» отсутствуют в некоторых случаях ссылки на предыдущие публикации. Все это, на мой взгляд, существенные недостатки и ошибки этого тома, ошибки, за которые несет ответственность, конечно, редакция в целом.

Но мне думается, что в нашем обсуждении были и такие оценки, с которыми нельзя согласиться. Я тоже не могу согласиться с теми оценками, которые здесь прозвучали в выступлении А.И. Метченко. Напомню основные его положения. Он говорил о том, что том дает искаженное представление о Маяковском, что том этот «близнец» «Литературной Москвы», он дает материалы в руки ревизионистов. Я думаю, что это утверждение не имеет под собой никаких серьезных оснований. Прежде все о том, что том, посвященный Маяковскому, это близнец «Литературной Москвы». Когда речь шла о «Литературной Москве», то..... осветить нашу социалистическую действительность, развитие нашего искусст-

ва. Я не знаю, видит ли Алексей Иванович замысел нашей редакции, субъективное намерение исказить творческий путь Маяковского. Если Алексей Иванович в этом смысле не решил этот вопрос, то я хотел бы со всей решительностью отвергнуть такое предположение о том, что у редколлегии было какое-то субъективное намерение исказить творчество Маяковского. Но я думаю, что нет и объективного искажения творчества Маяковского, что нет и объективных оснований для сближения тома, посвященного Маяковскому, с «Литературной Москвой». В этом томе есть недостатки, есть ошибки, но нет той внутренней тенденции, того внутреннего намерения, которые определяют облик «Литературной Москвы».

Я готов согласиться со многими критическими замечаниями Алексея Ивановича, очень серьезными, очень существенными, но не могу согласиться общей оценкой замысла тома и внутренней его тенденции.

В самом деле, разве статья Земскова, огромная статья в семь листов, которая посвящена революционной деятельности Маяковского, которая собрала все, что по этому поводу есть, немного опубликовано уже известного, но многое опубликовано и вновь, — разве эта статья, раскрывающая революционный путь Маяковского, дает искаженное представление о Маяковском? Разве эта статья дает в руки ревизионистов оружие, разве она направлена на то, чтобы быть литературным близнецом «Литературной Москвы»? Я думаю, что это никак не соответствует действительности. И эта статья не отписка, это большое, фундаментальное исследование, которое было произведено по почину редакции. Разве статьи Паперного и [Земскова] исходят из тех же позиций, которые были в основе «Литературной Москвы»? Думаю, что нет. Я думаю, что вам, Алексей Иванович, следовало бы ясно сказать, обвиняете ли вы нас в субъективном замысле...

А.И. МЕТЧЕНКО

Не в субъективном замысле, а в объективном звучании.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

Я хотел бы знать, какой смысл вы вкладываете в слово «близнецы».

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Это очень неточная метафора.

М.Б. ХРАПЧЕНКО

Основной материал, который там есть, не дает оснований для утверждения Алексея Ивановича, что объективное звучание тома — это искажение Маяковского и ревизионистское его истолко-

вание. Выступление целого ряда исследователей, молодых и более старшего поколения, показали, что мнение Алексея Ивановича многими товарищами не разделяется.

Он ставит один очень существенный вопрос: насколько издания типа «Литературного наследства» обязаны давать широкое, всестороннее освещение творчества писателя. Ведь совершенно же ясно, что том и даже два тома, посвященных Маяковскому, не могут быть энциклопедией творчества, они не могут даже заменить монографий, которых у нас появилось очень много. За последние годы вышло около ста книг о Маяковском, из них есть очень хорошие, в том числе и книга Алексея Ивановича. Перед нами стояла задача либо повторять эти монографии, либо дать совершенно новое исследование. Нам казалось нецелесообразным ни повторять, ни создавать новую монографию, потому что это мы не считали возможным — для этого у нас нет сил. Задача «Литературного наследства» была хорошо опубликовать новый материал.

Здесь уже было сказано о заглавии «Новое о Маяковском», по моему, совершенно дурного вкуса и дурного характера название, как оно появилось. Появилось оно вне желания редколлегии. Но новые материалы в «Литературном наследстве» можно публиковать и не претендовать на всестороннее освещение творческого пути и жизни Маяковского. Это просто невозможно.

Это просто невозможно. Вот сейчас собираемся издать том, посвященный Достоевскому, опубликовать даже его записные книжки.

Можем ли мы ставить задачу осветить творчество Достоевского и всего его противоречия? Не можем! Сейчас вышло много книг в Институте мировой литературы, но если все это обозреть, — это не будет литературное наследство. Мы возьмем какой-то угол зрения, какой-то ограниченный материал, мы это прокомментируем в виде вводной статьи — но это не будет всестороннее освещение творчества Достоевского.

Точно так же и том Толстого. Разве можно осветить Толстого во всех его противоречиях? Нет, мы заранее можем сказать, что в этом томе вы не найдете многого, что нужно знать о Толстом.

Так же и здесь вы не найдете многого, что нужно знать о творчестве Маяковского. Поэтому, может быть, мы где-то не учли какие-то элементы, может быть, нужно было включить еще одну статью, но самый тип издания должен быть, примерно, такой.

Но тогда — зачем мы публиковали стенограммы выступлений Маяковского, в которых есть сильные стороны, а есть и слабые стороны? Мы не занимаемся фотографированием, а просто не можем замалчивать реальные факты из жизни Маяковского в своих работах.

Я считаю, что обсуждение здесь было весьма полезным и плодотворным, при всех несогласиях, которые я имел с Алексеем Ивановичем.

Мне кажется, что серьезные недостатки и ошибки в данном томе не должны опугнуть редакцию «Литературного наследства» от продолжения работы, посвященной советским писателям. Нужно делать это более тщательно, более основательно и с более широким привлечением более широкого круга литераторов. Надо избегать односторонности в работе.

Здесь я считаю возможным предусмотреть привлечение Бюро Отделения. Имея в виду разногласия, которые были, это целесообразно. Участие Бюро Отделения обновило бы атмосферу, в которой протекала работа редакции, и согласовало бы все эти внутренние противоречия, которые там были.

Здесь уже И.С. Зильберштейн говорил, что многое из этого тома исключено по настоянию Виктора Владимировича и моему. Отсюда исключено факсимиле письма Маяковского с просьбой выдать иностранную валюту для поездки Брик за границу. Исключен и целый ряд других материалов. Но тем не менее мы не убереглись от досадных ошибок.

Как это произошло? Произошло это прежде всего вот почему — не исключительно, но во многом это объясняет. Дело в том, что в «Литературном наследстве» отсутствовала до последнего времени, да и сейчас ее еще не присутствует, коллегиальность.

И.С. Зильберштейн говорил, что редколлегия делала этот том с тех же позиций, с которых делала все другие тома, посвященные классическому наследству. Это верно и не верно. Верно это в том отношении, что этот том делался с тех же позиций. Неверно это потому, что и я, и Виктор Владимирович решительно выступали против этого, но не преодолели той настойчивости и того упорства, соединенного с некоторыми другими качествами, которые проявлял составитель этого тома И.С. Зильберштейн. Я должен сказать, что в редколлегиях до последнего времени решающую, во всяком случае, значительную роль, играла воля составителя и, я бы сказал, не только воля, а иногда и его произвол. Это стало настолько очевидно и настолько обеспокоило меня и Виктора Владимировича, что мы об этом несколько раз беседовали и принимали решение перестроить коренным образом работу «Литературного наследства».

Я хотел бы рассказать о том, что в связи со вторым томом у меня с тов. Зильберштейном возник острый конфликт, который привел к моему заявлению Виктору Владимировичу с просьбой освободить меня от работы в редколлегии.

До всех претензий, которые появились в газетах, при обсуждении второго тома я заявил И.С. Зильберштейну о том, что подбор воспоминаний во втором томе носит односторонний и групповой характер, и это привело к резкому подрыву наших отношений и к резкому конфликту.

Это я говорю не для того, чтобы в какой-то мере снять с себя ответственность. Напротив, после того, как появились рецензии, я не считал возможным ставить вопрос об уходе из редакции, ибо уходить тогда, когда предъявляются обвинения, было бы не просто малодушеством, а нечестным поступком. Поэтому я снял этот вопрос, но такого рода отношения очень существенны для того, чтобы понять внутреннюю кухню «Литературного наследства», которая жалеет много лучшего и которая требует коренной реформы.

Те принципы, которые выработались для работы над материалами классического наследства, во многом непригодны для работы над материалами советской литературы. Это надо понять всем работникам «Литературного наследства».

Мне кажется, что сейчас перед «Литературным наследством» стоит задача найти новые формы, отказаться от того плохого, что есть в его традициях, решительно пересмотреть свою работу, опираться не на какие-то отдельные группы, не отдельных людей в работе «Литературного наследства», а опираться на широкие слои наших ученых и создавать работы не келейным образом, не в плане сенсации, стремления поразить, а в плане широкой исследовательской работы литературоведов, которые делают общее дело публикацией новых материалов. Без коренной реформы работы редколлегии «Литературного наследства» дальше «Литературное наследство» существовать не может. Впрочем, по этому поводу у нас единое мнение с Виктором Владимировичем.

А.И. МЕТЧЕНКО

Мое выступление, обладавшее известным заострением, вызвано несколькими причинами. Первая причина. Я выступал в новой для меня обстановке, перед людьми, чьи имена написаны на этом сборнике, и в силу моего характера я не хотел подлаживаться, а заострить вопрос о том, что я считаю чрезвычайно важным. Независимо от всяких дипломатических манер и проч. я убежден, что для работы над дальнейшими томами необходимо самое серьезное отношение к этим томам прежде всего. При этом я должен сказать, что кроме всего прочего на филологическом факультете я слышал из уст целого ряда профессоров, и древних по возрасту и молодых, преподавателей, доцентов единое неодоимое отношение к этому сборнику.

Так что в этом отношении это не просто мое субъективное ощущение, — конечно, ощущение тоже много значит.

Относительно субъективного намерения или объективного звучания скажу, что у меня по отношению к редакции не было такой мысли, что здесь была какая-то субъективная тенденция давать Маяковского в определенном ракурсе, в том, о котором говорил Пушкин. Но у некоторых авторов такая тенденция была и осталась.

Я не буду выдавать секрета. Но я был на заседании Института мировой литературы и слышал молодых товарищей. У них, что называется, чесотка в этом отношении была. Нужно эту чесотку ограничить, нужно вылечить этих авторов, у которых такая чесотка была (С МЕСТА: Назовите их!) Не буду называть. Есть статья. Это молодые авторы, которые считали, что они делали открытие, что в таком ракурсе давали⁹⁴.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Вы имеете в виду авторов и статьи, которые в этом томе помещены? Но вы потом скажете.

А.И. МЕТЧЕНКО

Нет, не думаю, что это нужно говорить. Вот здесь, конечно, нужна была работа с авторами. Поэтому я и заострил так вопрос, хотя вы говорите, что это не в духе русского языка.

Именно к Маяковскому за последние годы за рубежом мы видим особое внимание, потому что именно хочется им доказать, что Маяковский величайшие открытия делает не на почве реализма, а на почве модернизма, а во-вторых, что вот этот хваленый поэт, трибун революции на самом деле был поэтом двойного мироотношения: он был поэтом в одном лице, а второй — направлен на то, чтобы положить в карман. И когда читаешь статью в «Культуре и жизни» о Маяковском....., она вышла два года тому назад, та полгода тому назад в особенности, — то видишь, что обязательно нужно было подумать, как это звучит там.

Даже возьмем статью Катаняна, — хорошая статья. Хорошо если бы не было такого.....

Но возьмите статью..... — в ней не хватает широты дыхания. Статья Паперного куда лучше. Там есть это дыхание. Но там есть анализ одной поэмы, за которой выступает и строится целая концепция. Это и открыло такую волну произведений там, которые выясняют вс[ю] личность Маяковского на анализе поэмы «Хорошо»: вот большой поэт написал ее, а мы ее читаем. Когда мы берем главу о поэме «Хорошо», то это ценный материал (я в своей книге ссылаюсь на материал, который приведен Катаняном), но не хватает анализа всего того, что делает этот материал какими-то лесами. Ощущения самого произведения, всего его значения мы здесь не видим. Больше того, там есть такие вещи. Катанян полемизирует с прошлым, которое было в середине 20-х годов. Возьмите, что он делает с Фадеевым. Фадеев выступал на квартире Маяковского. Завязался спор. Фадеев высказал совершенно неверную точку зрения.

---

⁹⁴ Установить, о каких именно авторах идет речь, не представляется возможным.

Мы все это знаем, но мы знаем, что Фадеев в 1948 г. заявил о том, что он тогда глубоко ошибался, что они тогда не поняли пророческого, огромного значения этой поэмы⁹⁵. Объективный подход к делу должен был быть. А получается искажение истории советской литературы. Не может быть полного показа материала, это верно, но все-таки, составляя том, нужно думать о композиции в целом, надо пытаться уравновесить те материалы, которые нужно вводить.

Я считаю, что письма Л. Брик публиковать можно было, — я говорю это с полной уверенностью, но так, как они здесь поданы, их публиковать было нельзя. Должен быть другой аппарат, другие статьи.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Это значит, что нельзя публиковать при ее жизни.

А. МЕТЧЕНКО: Может быть и так. Поэтому я и говорю, что объективно, когда мы берем этот том, он нам не помогает в той борьбе, которую мы сейчас ведем.

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Но вам лично он помогает.

А.И. МЕТЧЕНКО: Правильно, помогает, я в своей работе использовал ряд материалов, но он не помогает в борьбе за принципы нашего литературоведения, не помогает в борьбе с нашими врагами, которые используют любую лазейку. Тут говорят, что не надо считаться с врагами, что мы не должны, исходя из этого, прятать материалы, не показывать их. Мы должны показывать себя во всеоружии всего нашего анализа и только.

---

⁹⁵ А.А. Фадеев писал: «Я помню, как в десятую годовщину Октябрьской революции (а сейчас нам предстоит тридцатая!) Маяковский пригласил небольшую группу литераторов к себе на дом, впервые читал поэму “Хорошо!”. Надо сознаться, что даже мы, выходцы из демократических низов, в известной мере тоже зачинатели советской литературы, не сразу поняли все величие и значение этой поэмы. Мы подошли к ней с узколитературной точки зрения. Нам не понравилась ее декларативность. В этой поэме, перед десятой годовщиной Октября, когда страна жила еще тяжело, когда стране было очень трудно, Маяковский говорил о ней как о стране, уже утвердившей новый строй жизни. Он говорил о своей кровной связи с советской родиной. Теперь, спустя двадцать лет, эта поэма звучит во весь голос, и многое из того, что было в ней тогда предвосхищено, осуществилось. Поэма “Хорошо!” была поистине пророческой» (*Фадеев А. Задачи советской литературы // Советская литература. М., 1947. С. 23*). Чтение состоялось 20 сентября 1927 года на редакционном собрании журнала «Новый Лэф» (См.: *Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985. С. 401*).

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Я хотел сказать, в чем состоит неточность вашей метафоры. Вы сказали, что «Литературное наследство» близнец «Литературной Москвы», появившейся через два года в силу традиций академического деторождения. Но вы, таким образом, перевертываете все законы природы, потому что по-вашему выходит, что близнец рождается спустя два года. А если перевести это на общественную почву, выходит, что у нас все сопоставление неправомерно и, как мне кажется, глубоко ошибочно с исторической точки зрения. А тем более оно ошибочно с медицинской точки зрения.

А.И. МЕТЧЕНКО

Только с медицинской точки зрения.

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Я думаю, что мне не приходится много рассуждать, я согласен с тем, что говорил Михаил Борисович, но мне хотелось бы поднять некоторые вопросы, связанные с надлежащей публикацией материалов.

Прежде всего, я должен указать на то, что «Литературное наследство» нельзя представлять как воплощение одного типа издания и, может быть, последнее время нарушаются какие-то традиции, которые в «Литературном наследстве», раньше, во всяком случае, меня привлекали. Если вы возьмете пушкинский том, толстовский том, там наряду с публикацией материалов были статьи, иногда, может быть, неправильные, но широко освещающие творчество того или иного писателя. С этой точки зрения мне кажутся очень справедливыми замечания Алексея Ивановича о том, что необходимо обращать больше внимания на композицию книги в целом.

У нас, к сожалению, на издание литературоведческих материалов вообще мало обращается внимания. Возьмите «Литературный архив»⁹⁶, издававшийся Институтом русской литературы. Правда, там разнородный характер материала, к разным писателям относящийся. А когда к одному писателю подбирается материал, внутреннее единство тома в целом, связанного с этим материалом, — это вопрос очень важный. В этом случае для того, чтобы не было такого рода суждения об одностороннем подборе материала и т. д., это должно уравниваться соответствующими статьями историко-литературного характера.

В этом отношении, мне кажется, и том, посвященный Маяковскому, не имеет (будем говорить так) — идеологического противовеса, который придавал бы ему внутреннюю целостность.

---

⁹⁶ Сборники архивных публикаций «Литературный Архив» (тт. 1–6; 1938–1961).

Поэтому вопрос о сочетании такого рода рукописных материалов с исследованиями — это очень большая проблема и большая задача.

И, может быть, то обстоятельство, что в этом томе допущены ошибки (с этим надо согласиться), во многом зависит от того, что о Маяковском много уже писалось, и сейчас нам приходится уже подбирать, если не крохи, то разбросанные куски. Но это зависит и от приемов работы над организацией, над созданием тома.

Мне кажется, и в этом смысле я должен прямо сказать, что в «Литературном наследстве» в этом отношении имеется неправильная традиция. Тут я согласен с Михаилом Борисовичем. Все-таки том составлялся давно и поэтому мы обсуждаем его более или менее готовым. А между тем здесь совершенно ясно возникает вопрос о характере комментариев, а иногда нужны даже комментарии к комментариям.

В какой-то мере нас успокаивало, может быть, то обстоятельство, что в основе у нас лежала практика литературоведческих институтов, потому что рецензию В.И. Перцова мы должны рассматривать, как отзыв Института ... Литературы⁹⁷, рецензию Тимофеевой, — как оценку Института русской литературы и секции Института мировой литературы, которую возглавляет В. Ар... (С МЕС-ТА. Я не знал!)⁹⁸. Это свидетельствует о характере работы у вас в секторе советской литературы. Но мы не можем иначе относиться к рецензии Тимофеевой: она авторитетный член вашей секции, самый крупный специалист по марксистско-ленинской теории и секретарь партийной организации Института русской литературы. Об этом надо было сказать.

Конечно, в какой-то мере эту нашу реформаторскую деятельность, революционную деятельность по отношению к данному тому надо было как-то ограничить. Так ведь, Михаил Борисович? Это очень существенная сторона вопроса.

Поэтому, мне кажется, что необходимо отметить еще два больших организационных недостатка, потому что о принципиальных я не говорю, о них говорилось очень много. Это, во-первых, недостаточная коллегиальность в подготовке томов на всех ступенях работы над ними. У нас коллегиальность проявляется главным образом в критической борьбе при оценке книги, более или менее подготовленного материала. Это, мне кажется, очень существенный недостаток, который надо исправить. Наконец, подготовленный том «Литературного наследства» не подвергается у нас широкому обсуждению так, как подвергаются обсуждению даже при очень слабом характере этих обсуждений, на заседаниях ученых советов выпускае-

---

⁹⁷ Пропуск в тексте: Института Мировой Литературы.

⁹⁸ О ком идет речь, установить не удалось.

мые труды, потому что «Литературное наследство» скорее утверждается к печати на заседаниях Бюро Отделения, между тем составители, члены редколлегии — представители двух институтов: Илья Самойлович и Сергей Алексеевич [*так в стенограмме!*] — работники Института русской литературы и Института мировой литературы. Мы можем не ставить на ученых советах, но обсуждение томов требует широкого привлечения общественности, широкого предварительного рецензирования, т.е. должны быть не только два рецензента.

Мы сейчас будем рассматривать «Историю русской литературы». У вас были рецензенты, но мы раздаем членам Бюро. Мне кажется, что этот том тоже должен быть где-то выставлен, скажем, у нас в Бюро, должны быть оповещены сотрудники институтов, они должны с ним ознакомиться для того, чтобы он получил широкое общественное и научное одобрение. Мне кажется, это очень важно. Я не знаю, как другие члены редакционной коллегии, но думаю, что Михаил Борисович с этим согласится.

Такая обстановка в редакции породила принципиальные разногласия. Ведь разногласия не по личным, а по принципиальным вопросам, связанным с подготовкой отдельных томов. Вот почему надо всячески приветствовать расширение редакционной коллегии и изменение самого характера, самих принципов и методов подготовки отдельных томов.

С. БАРХУДАРОВ: У нас был заготовлен проект решения, но так как наши предложения исходили из того, что я говорил, т.е. являются более оптимистическими, а здесь делались более критические замечания, с другой стороны, члены редколлегии согласились с такими замечаниями, с которыми я лично не согласен, — раз это так, нужно создать новую комиссию

В. ВИНОГРАДОВ: Зачем новую комиссию? Поручим вашей комиссии⁹⁹.

С. БАРХУДАРОВ: Я хотел бы, чтобы вошел Михаил Борисович.

---

⁹⁹ В Архиве РАН сохранился протокол заседания Бюро ОЛЯ № 20 от 3 ноября 1959 г. Одним из вопросов, стоявших на повестке заседания, был вопрос об утверждении комиссии по проверке научно-организационной работы редколлегии «Литературного наследства». Докладчиком по этому вопросу был ученый секретарь ОЛЯ АН СССР С.И. Козлов. Бюро постановило «утвердить комиссию по проверке организационно-научной работы редколлегии “Литературного наследства” в составе: член-корреспондент АН СССР С.Г. Бархударов (председатель), А.И. Овчаренко, Н.И. Чуканов, Л.Д. Опульская, И.Е. Дарманов» (Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 625. Л. 118).

В. ВИНОГРАДОВ: По моему, заинтересованных лиц не надо включать. У вас была авторитетная комиссия, в которую входил А.И. Метченко. Я считаю, что в эту комиссию следует включить: С.Г. Бархударова (председатель), Н.И. Пруткова¹⁰⁰, Н.Ф. Бельчикова, В.Р. Щербину, В.Д. Дувакина, Г.С. Черемина и ..... [пропуск в тексте].

Возражений нет.

В.Д. ДУВАКИН

Есть какой-то проект — я его читал¹⁰¹. Мне хотелось бы, чтобы в этом решении было упомянуто о необходимости выпуска второго тома.

---

¹⁰⁰ В тексте стенограммы опечатка: упомянут Никита Иванович Пруцков (1910–1977) — историк литературы и революционного движения, сотрудник ИРЛИ с 1951 г., в 1966–1977 гг. — заведующий Отделом новой русской литературы.

¹⁰¹ 10 марта 1959 г. на заседании Бюро ОЛЯ состоялось утверждение проекта постановления о работе редколлегии ЛН по подготовке тома. В протоколе заседания, в частности, подчеркивалось: «...вышедший том “Новое о Маяковском” имеет существенные недостатки, связанные с принципами отбора материалов, методами комплектования и характером направленности исследовательских статей. В этом томе наряду с ценными материалами опубликованы статьи недостаточно глубоко и притом неточно освещающие деятельность Маяковского. Кроме того, в томе опубликованы без строгого отбора, без соответствующих комментариев и научного анализа письма Маяковского к Л. Брик с ее нескромным и саморекламным предисловием, на что было справедливо указано в советской печати. Эти письма в значительной части не имеют отношения к творчеству поэта и носят узко-личный характер. Все это свидетельствует, что редколлегия заранее не определила самый тип и композицию тома». Далее излагалось содержание будущего постановления:

«Бюро Отделения ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Указать редколлегии «Литературного наследства», что она допустила серьезную ошибку, опубликовав письма Маяковского к Л. Брик и научно несостоятельные статьи Е.А. Динерштейна “Маяковский в феврале-октябре 1917 года” и Н.И. Харджиева “Заметки о Маяковском”.

2. Считать необходимым, чтобы редакция “Литературного наследства” при комментировании материалов, посвященных деятелям советского искусства, освещала эти материалы в связи с идейным обликом писателя и основным направлением его творчества.

Считать нецелесообразной публикацию в томах “Литературного наследства”, посвященных деятелям советской литературы и искусства, материалов личного интимного характера, если эти материалы не помогают более углубленному изучению творчества и общественно-политической деятельности писателя.

3. Признать целесообразным расширить состав редколлегии “Литературного наследства”. Предложить редакции в апреле 1959 года внести на Бюро Отделения свои предложения по этому вопросу.

4. Обязать редакцию “Литературного наследства” в двухмесячный срок

Акад. В.В. ВИНОГРАДОВ

Об этом не стоит говорить. Вопрос только будет такой, что второй том должен быть подготовлен не только на основе тех материалов, которые уже есть, но должен быть продуктом и активной работы по привлечению других материалов¹⁰².

Разрешите на этом поблагодарить присутствующих и заседание закрыть.

Литература

Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы / Сост. В.Ю. Афиани, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева и др. М.: РОССПЭН, 2005. 872 с.

Брик Л. — *Триоле Э.* Неизданная переписка (1921–1970) / Сост., вступ. статья В.В. Катаняна, коммент. И.И. Аброскиной, И.Ю. Генс. М.: Эллис Лак, 2000. 688 с.

Воронцов В., Колосков А. Новое и старое о Маяковском // Литература и жизнь. 1959. 7 янв. № 3. С. 2.

Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы / Сост. Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани, Л.А. Величанская, З.К. Водопьянова, Е.В. Кочубей. М.: РОССПЭН, 1998. 552 с.

Катаняна В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. 5-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985. 648 с.

Козлов С.И. Годичное собрание Отделения литературы и языка Академии Наук СССР // Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1960. Т. 19, вып. 3. С. 250–257.

Лазарев Л. О времени и о себе: К выходу в свет тома «Новое о Маяковском» // Литературная газета. 1958. 19 июля. № 86. С. 1–2.

Литературное наследство. Т. 65: Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 630 с.

Маяковская Л. Так ли жил Маяковский?: Письмо в редакцию // Комсомольская правда. 1959. 9 апр. № 83. С. 4.

Метченко А.И. Против субъективистских измышлений о творчестве Маяковского // Коммунист. 1957. № 18. С. 69–82.

Наумов Е.И. В.В. Маяковский: Семинарий. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1963. 444 с.

представить в Бюро Отделения перспективный план публикаций на семилетие» (Протокол № 7 // Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 625. Л. 33–35).

Кроме того, согласно постановлению Президиума АН СССР от 3 июля 1959 г., в отношении «Литературного Наследства» были предусмотрены следующие меры:

«[...] 9. Считать нецелесообразной публикацию в томах “Литературного наследства”, посвященных деятелям советской литературы и искусства, материалов личного, интимного характера, если эти материалы не помогают углубленному изучению творческой и общественно-политической деятельности писателя, не связаны с основным направлением его творчества.

10. Ввести в состав редколлегии “Литературного наследства” проф. И.И. Анисимова (директор ИМЛИ им А.М. Горького), проф. А.С. Бушмина (директор ИРЛИ), докторов филологических наук К.Д. Муратову и Ю.Г. Оксману, кандидата филологических наук А.Н. Дубовикова».

¹⁰² См. предисловие к наст. публ. Частично материалы не вышедшего 66-го тома сохранились в архиве редакции «Литературного Наследства».

Первый Учредительный съезд писателей Российской Федерации (7–13 декабря 1958 года). Стенографический отчет. М., 1959. 600 с.

Пушкарёва Л. Документы свидетельствуют...: Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД): Вокруг творческого наследия Маяковского // Вопросы литературы. 1994. Вып. 2. С. 197–215.

Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарий. Экскурсы / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М.: Языки славянской культуры, 2002. (Philologica russica et speculativa; Т. II). 497 с.

Сморodin А. Изучение наследия Маяковского // Русская литература. 1959. № 1. С. 228–235.

Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М.: МФД, Материк, 2005. 768 с.

Черемин Г. Нью-Йоркский сборник материалов по истории русской литературы // Вопросы литературы. 1957. № 8. С. 248–254.

Чуковский К. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13: Дневник (1936–1969) / Комментар. Е. Чуковской. М: ТЕРРА—Книжный клуб, 2007. 640 с.

References

Apparat TsK KPSS i kul'tura. 1958–1964: Dokumenty, ed. V.Yu. Afiani, Z.K. Vodop'ianova, T.V. Domracheva et al. Moscow, ROSSPEN publ., 2005. 872 p. (In Russ.)

Brik L. — Triole E. *Neizdannaiia perepiska (1921–1970)*, ed., introd. V.V. Katanian, komment. I.I. Abroskina, I.Iu. Gens. Moscow, Ellis Lak publ., 2000. 688 p. (In Russ.)

Cheremin G. “N'iu-Iorkskii sbornik materialov po istorii russkoi literatury”. *Voprosy literatury*. 1957, No 8, pp. 248–254. (In Russ.)

Chukovsky K. *Sobranie sochinenii*. In 15 vols. Vol. 13: “Dnevnik (1936–1969)”, comm. E. Chukovskaya. Moscow, TERRA—Knizhnyi klub publ., 2007. 640 p. (In Russ.)

Ideologicheskie komissii TsK KPSS. 1958–1964: Dokumenty, ed. E.S. Afanas'eva, V.Yu. Afiani, L.A. Velichanskaia, Z.K. Vodop'ianova, E.V. Kochubei. Moscow, ROSSPEN publ., 1998. 552 p. (In Russ.)

Katanian V.A. *Mayakovskiy: Khronika zhizni i deiatel'nosti*, ed. A. E. Parnis. 5th rev.ed., Moscow, Sovetsky pisatel' publ., 1985. 648 p. (In Russ.)

Kozlov S.I. “Godichnoe sobranie Otdeleniia literatury i iazyka Akademii Nauk SSSR”. *Izvestia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*. 1960, Vol. 19, No. 3, pp. 250–257. (In Russ.)

Lazarev L. “O vremeni i o sebe: k vykhodu v svet toma ‘Novoe o Maiakovskom’”. *Literaturnaia gazeta*. 1958, Jul 19, No 86, pp. 1–2. (In Russ.)

Literaturnoe Nasledstvo. Vol. 65: *Novoe o Mayakovskom*. Moscow, AN SSSR publ., 1958. 630 p. (In Russ.)

Mayakovskaya L. “Tak li zhil Mayakovskiy?: Pis'mo v redaktsiiu”. *Komsomol'skaia pravda*. 1959, Apr 9, No 83, p. 4. (In Russ.)

Metchenko A.I. “Protiv sub'ektivistskikh izmyshlenii o tvorchestve Mayakovskogo”. *Kommunist*. 1957, No 18, pp. 69–82. (In Russ.)

Naumov E.I. *V.V. Mayakovskiy: Seminarii*. Leningrad, Gos. ucheb.-ped. publ., 1963. 444 p. (In Russ.)

Pervyi Uchreditel'nyi s'ezd pisatelei Rossiiskoi Federatsii (7–13 dekabريا 1958 goda). Stenograficheskii otchet. Moscow, 1959. 600 p. (In Russ.)

Pushkareva L. “Dokumenty svidetel'stviut...: Iz fondov Tsentra khraneniia sovremennoi dokumentatsii (TsKhSD): Vokrug tvorcheskogo naslediiia Mayakovskogo”. *Voprosy literatury*. 1994, Issue. 2, pp. 197–215. (In Russ.)

Pushkin A.S. *Ten' Barkova: Teksty. Kommentarii. Ekskursy*, ed. I.A. Pil'shchikov, M.I. Shapir. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury publ., 2002. (ser. “Philologica russica et speculativa”; vol. II). 497 p. (In Russ.)

Smorodin A. "Izuchenie naslediiia Mayakovskogo". *Russkaia literatura*. 1959, No 1, pp. 228–235. (In Russ.)

Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa TsK, ed. D.G. Nadzhafov, Z.S. Belousova. Moscow, MFD, Materik, 2005. 768 p. (In Russ.)

Vorontsov V., Koloskov A. "Novoe i staroe o Mayakovskom". *Literatura i zhizn'*. 1959, Jan 7, No 3, p. 2. (In Russ.)

It's All Too Much «New Materials on Mayakovsky»
Transcript of the meeting of the Bureau of the Literature and
Language Department of the Soviet Academy of Sciences
24 February 1959

Aleksandr Yu. Galushkin, Maksim A. Frolov

Abstract: The publication is dedicated to one of the worst episodes in the history of the *Literary Heritage* academic series, connected with the publication of its 65-th volume — *Novoye o Mayakovskom (New Materials on Mayakovsky, 1958)*, which comprised, among other biographic materials, V.V. Mayakovsky's letters to L.Yu. Brik (1917–1930). The materials of the volume (including archival documents and materials from the Soviet press) reconstructed fully and in great detail gradual accrue-ment of social and political scandal that involved journalists critics, representatives of the official Soviet literary criticism, senior officials of the Central Committee of the CPSU and the Soviet Academy of Sciences, and, finally, the poet's sister L.V. Mayakovskaya. The shorthand report published herewith was prepared for publication as a part of the research project «*Literary Heritage: the scholar school and the academic series in the history of Russian literary criticism, 1930–1980*», launched by A.Yu. Galushkin for the anniversary of edition and supported by Russian Humanitarian Scientific Fund in 2015. At a later stage a documentary edition is to be prepared comprising a significant number of various materials (oral memories of I.S. Silberstein and S.A. Makashin, correspondence, shorthand reports) on the history of the *Literary Heritage* series, and Russian philology in general.

Keywords: *Literary Heritage* academic series, *Novoye o Mayakovskom*, I.S. Silberstein, S.A. Makashin, V.V. Mayakovsky, L.Yu. Brik, Academy of Sciences of the USSR.

Information about the authors: Aleksandr Yu. Galushkin (1960–2014), PhD, Head of the *Literary Heritage* sector, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Maksim A. Frolov, PhD, Senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: m.a.frolov@gmail.com